

A detailed illustration of a futuristic, cyberpunk city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon signs. The lighting is a mix of deep blues, purples, and oranges, creating a moody atmosphere. In the center of the street, a lone figure in a dark coat and hooded jacket stands with their back to the viewer, looking down a long, wet street that reflects the ambient light. The overall aesthetic is reminiscent of classic cyberpunk art.

Память счастья

Петр Сосновский

18+

Петр Сосновский

Память счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70315873

SelfPub; 2024

Аннотация

"Память счастья", "Черт крутит" и "Прости меня Сережа" – три рассказа о нелегкой жизни героев в девяностые годы. Что примечательно? У каждого из них неплохое окончание. Думая, что можно почитать, хотя бы для того, чтобы вспомнить то время.

Содержание

Память счастья	4
Черт крутит	42
Прости меня Сережа	76

Петр Сосновский

Память счастья

Память счастья

Перед тем как выйти из дома я бросаю взгляд на лик Спасителя, икона которого висит у меня над кроватью. Порой я крещусь. А тут собирался на работу замешкался. Услышав голос матери: «Слава, ты уже уходишь? Смотри, будь осторожнее на дороге». Крикнул из коридора: «Хорошо!» – и вышел за порог.

Ждать лифт я не стал, побежал по лестнице, торопился. В считанные минуты я был возле гаража. Раньше в нем стоял «Запорожец» отца, теперь мой «Пежо». Автомобиль был не новый, но выглядел прекрасно.

Я работал директором строительной фирмы, и мне не стоило ездить не только на «Запорожце», но даже на «Ладе». Клиенты, с которыми я имел дело, были людьми солидными, мозолить их глаза не престижной «техникой» – себе вредить.

Людей в моем подчинении работало не много. Однако все они были специалистами не одной профессии. Может быть,

по этой причине бедствовать нам не приходилось. Договоров хватало.

В отличие от обычных строительных организаций мы занимались художественным оформлением фасадов и интерьеров зданий, благоустройством окружающей территории. Труд наш был можно сказать более высококвалифицированным. Однако творчества в нем не хватало. Проявить себя я мог не всегда.

Владельцы, строящихся как «грибы», шикарных особняков часто обращались ко мне с просьбой придать зданию вид уже известного в городе офиса. Для них было достаточно, простого, каталога. Они, «новые русские» все делали, чтобы походить на «старых» немцев, французов, англичан. В моде был стиль «евро» и обычаи своей страны не признавались.

Мне, закончившему в свое время «Строганку» – художественное училище – такие обращения кроме обиды ничего не вызывали. Занимаясь не только административной работой, но и подготовкой проектов, согласованием их с заказчиком я пытался внести в них хоть что-то наше, русское. Это стоило мне большого труда. Быть свободным в исполнении заказа ни как не удавалось.

Еще вчера вечером я назначил встречу новому своему

знакомому Алексею Ивановичу Ломанову – генеральному директору «Финансово-промышленной группы» и теперь ругал себя за то, что не смог выйти из дома пораньше, с запасом.

Мне рассказывали, что он разбогател на какой-то афере то ли при организации строительства города-сити, то ли сверхскоростной железной дороги. Суть, конечно, была не в этом. Подробности меня не волновали. Важно было то, что Алексей Иванович сумел распорядиться полученными средствами. В первую очередь он, открыл свой банк. Затем с его помощью занялся торговлей. Уже, после, вспомнив о своей инженерной специальности, организовал производство, правда, на первом этапе пользовался ресурсами, простаивающих заводов.

Я, конечно, завидовал ему, но больше не деньгам, а его расторопности. Так раскрутить дело мог не каждый. Мне до него было далеко, прежде в самом себе бы разобраться.

Алексей Иванович ждать не любил. Я знал и, хотя эта встреча с ним была не первая, опаздывать не хотел. Он мог быть моим хорошим клиентом, так как имел желание со мной сотрудничать.

Как назло мой «Пежо» не хотел заводиться. Конечно,

я мог бы обратиться к кому-нибудь из своих коллег. Любой был бы рад оказать мне услугу. Но несчастье случилось утром, в то время, когда все спешат на работу. Если бы я позвонил по телефону, то вряд ли бы кого застал дома. Ждать, первого объявившегося в офисе и просить его подскочить за мной, было не реально.

Господин Ломанов человек умный и неторопливый в делах требующих больших затрат долгое время, не понимал меня.

— Вячеслав Петрович, – говорил он мне, – зачем вам мучится, что-то придумывать, когда все уже лежит на поверхности. Нужно только качественно повторить.

Его слова не были новыми. Однако я не хотел заниматься простым копированием. Особняк моего подопечного, купленный им за бесценок, из-за неправильной эксплуатации здания, приведшей к запустению, был довольно оригинален. В нем чувствовалась рука мастера. Это было заметно с первого взгляда. С ним стоило повозиться. Эскизы, наскоро сделанные мной при осмотре особняка, я собирался показать Алексею Ивановичу. Они должны были склонить моего клиента довериться мне. Но прежде чем его убедить я должен был добраться до своего офиса.

Как в том известном анекдоте я еще раз протер стекла, поправив при этом «дворники», постучал ногой по шинам и попытался снова завести автомобиль, но мой «Пежо» был глух к моим действиям. Мне пришлось обозвать его «пижоном», закрыть гараж и поспешить к ближайшей остановке автобуса. По дороге я попытался поймать такси, но, конечно, безуспешно. Находились люди подвести меня, но не до работы – попутчиков я не нашел, поэтому чтобы не испытывать судьбу, так как время неумолимо шло, забрался в первый подошедший автобус. Проехав несколько остановок, я спустился в «метро» Народу везде было битком. Я давно уже не ездил в «голубых вагонах» и, забравшись в вагон, чувствовал себя неуютно. Расположившись вблизи от двери, я как мог, пытался удержаться, чтобы меня не затолкнули куда-нибудь вглубь, так как собирался в скором времени выйти, чтобы сделать пересадку на другую линию.

В вагоне меня прижали, вначале какому-то мужчине, затем к женщине. Она стояла ко мне спиной. Вела себя не спокойно. Что-то ей все время мешало. Я с трудом удерживал натиск толпы, упираясь руками в поручень. Но силы мне явно не хватало. В момент качки женщина буквально растворилась во мне. Ее тепло меня влекло. Я краснел, бледнел, время от времени шептал ей на ухо слова извинения. Однако лица ее мне не было видно и, поэтому я мучился.

На одной из станций, нас, словно щепки волной, подхватило и понесло на выход. Когда мы были на платформе, она повернулась ко мне лицом. Ее глаза, прежде неизвестно что выражавшие вдруг резко изменившись, стали злыми и она, разжав губы, бросила мне:

– Сволочь! Сейчас милицию позову. – Я попытался удержаться, что-то ответить, но где там. Она развернулась и ушла. А меня, замешкавшегося, грубая сила толпы с яростью втянула обратно, в вагон. На какое-то мгновение я почувствовал себя плохо, будто снова попал в какую-то передрагу. Такое состояние у меня уже было, много лет назад, когда я, торопясь навстречу к своей девушке, увидев ее на другой стороне улицы, выскочил на проезжую часть дороги. Тот день мне запомнился. Он стал поворотным в моей жизни, многое изменил. Правда, я хотел изменений, но не таких серьезных. Для многих своих коллег, знакомых и друзей я вначале превратился из сильного молодого парня двадцати двух лет в развалину, а затем просто-напросто умер, умер я тогда и для своей невесты.

Тряхнув головой и освободившись от грустных мыслей я придя в себя стал пробираться к выходу, возвратившись назад сделал пересадку. Грубые слова немолодой в чем-то странной женщины на меня так подействовали, что я чуть было, не опоздал на встречу, пропустив свою станцию. Ис-

подволю я понимал, что все гораздо серьезнее и не связано напрямую с самим ее поведением. Грубости везде хватало. Хотя она, конечно, меня задела, чего там говорить. Больше всего меня мучило, то, что я в этой толкотне почувствовал ее как женщину. Хотя какая она женщина после тех грубых слов, скорее какая-нибудь лесбиянка. Они, эти слова мучили меня и после того, когда мной был подписан с Алексеем Ивановичем договор. Радость, что господин Ломанов все-таки внял моим доводам, была уже на втором плане.

Весь день я был не в своей тарелке, терзался, пытался себя успокоить, но у меня ничего не получалось. Мое состояние, нельзя было назвать здоровым. Может это говорило о нервном срыве, кто его знает. Однако то, что я сторонился женщин, мне теперь было понятно – шло не от сердца... Слова лечащего врача о том, что у меня, если я женюсь, не будет детей, заставили меня в свое время стать равнодушным к противоположному полу. И вот теперь надо же такому случиться я был вновь взбудоражен.

Еще на работе, сидя у себя в офисе, я позвонил своему двоюродному брату Василию, отличному автослесарю и попросил его приехать ко мне, необходимо было как можно скорее отремонтировать машину. Пользоваться городским транспортом, как я понял, было небезопасно. Раньше я отказывался от него из-за того, что после катастрофы был изу-

вечен и мне не хотелось своим видом угнетающе действовать на окружающих людей. Теперь же, хотя я уже и не был таким страшным, прикрыв свои шрамы на лице роскошной бородой, стремился как можно быстрее пересесть на свою машину, чтобы избавить себя от, еще каких-нибудь, случайных недоразумений. Конечно, в метро сейчас можно было увидеть такое, что и в аду не присниться: увечья, всевозможные уроденные дефекты людьми выставляются на показ, чтобы испугать, порой унижить своим видом, разжалобить более преуспевающих в жизни и вынудить их жертвовать деньги. Но неужели меня можно так напугаться, думал я, и не принять слова извинения.

Встретившись, в тот же день с двоюродным братом я повел его в гараж. Василий был очень похож на меня. Правда, не внешне, в отличие от меня брюнета он был блондином, несколько выше и крупнее фигурой, а вот мягкой походкой, манерой непринужденно держаться в обществе, тихим голосом, располагающим к себе, мы были одинаковы.

Я часто обращался к нему за помощью. И он помогал мне. Порой, переламывая себя: как, например, было, тогда, когда я попал под машину.

Выкарабкавшись с того света, я, можно сказать, заставил Василия пойти к моей невесте и сказать ей прямо, что я

умер. Помню, он долго не соглашался. Пытался даже убедить меня, чтобы я этого не делал. Брат считал, что особенно в горе рядом должны быть не только мать, отец, братья, сестры, но и если тебе уже больше двадцати лет – любимая девушка. Но я был непреклонен. Не знаю, как он сообщил ей о моей фиктивной смерти, но ему это пришлось сделать.

Василий был младше меня и всегда, сколько я его помню, подчинялся мне. Вот и сейчас стоило, лишь было ему позволить, как он, бросив все свои дела, стоял передо мной.

Объяснять причину своей спешки: «поставить автомобиль – коня на колеса» – я не стал. Он видел по моему расстроенному лицу, что мне нужна помощь и этого было достаточно.

Брат быстро осмотрел машину, отметил что-то себе в записной книжке, и сказал, что ремонт особого труда не представит: все будет зависеть от того, как быстро ему удастся найти запасные части для машины.

– Марка, видишь ли, не распространенная, требуется время, – сказал он. – Я понимал это, но ругать мог только себя, так как в свое время при покупке автомобиля не посоветовался с Василием. А ведь мог. Но форма машины мне так запала в душу, что я уже не о какой другой и думать не хотел.

Достать быстро запасные части, двоюродный брат, конечно, не сумел и мне, время от времени, приходилось пользоваться городским транспортом, не считая тех дней, когда кто-нибудь из моих коллег, будто случайно оказавшись в моем районе, подбрасывал меня до работы.

Время, в которое я выходил из дома, было такое же, как и в тот злополучный день моей встречи со странной женщиной. Чтобы как-то себя обезопасить от столкновения с нею я старался пройти в середину платформы, но, опаздывая, конечно, забегал в ближайший вагон.

Она, порой я видел ее издали, тоже делала все попытки, чтобы не столкнуться со мной. Но это нам не всегда удавалось. В одной из таких встреч я не удержался и заговорил с ней:

– Извините, не знаю, как вас зовут?

– Вера Васильевна! – ответила она.

– А меня, Вячеслав Петрович. Так вот тогда я не хотел вас унижить. Понимаю, вам как женщине замужней... – я хотел сказать, что все это неприятно, но Вера Васильевна прервала меня и сказала:

– Я, не замужем. Это вам женатому мужчине... – Я не дал ей договорить:

– Я, тоже не женат, – и мы вдруг разом рассмеялись. Глядя на ее чем-то вдруг, показавшееся мне знакомым, лицо я, чтобы хоть как-то замолить свой грех, извинившись, предложил Вере Васильевне выйти из «метро» и заглянуть в ближайший ресторан. Однако она отказалась, хотя зла на меня уже не держала. Разговорившись, я узнал, что она работает в исследовательском институте научным сотрудником. Вначале, я думал, что ей нужно спешить на работу, но нет, в свой НИИ Вера Васильевна не торопилась. «Наука», по ее словам, находилась в «загоне». Работы не было. Она, да и не только она, многие ее коллеги больше по привычке, чем по необходимости посещали его стены. Побыв час, другой и, отметившись, то есть, показавшись на глаза начальнику, занимавшемуся какими-то своими делами, моя новая знакомая убежала домой.

Основной доход Вера Васильевна получала от работы в школе, занимаясь преподавательской деятельностью. Зарплата, конечно, была не большой, с такой по ресторанам не находишься. Однако, я понимал это и, пытаясь взять ее под руку, чтобы увлечь на выход из метро сказал:

– Я плачу.

На что она резко словно испугавшись, отскочила от меня и, засмутившись, вежливо отказалась.

Долго стоять на платформе и разговаривать было неудобно, так как рядом повсюду сновали люди, постоянно задевая нас, поэтому мы расстались. Вначале я думал, что ненадолго. Но оказалось все не так. Возвращаясь, вечером с работы, я увидел у дома машину брата. Он ждал меня.

На ремонт времени, как и говорил Василий, ушло не много. Через час, ну может чуть больше, мой «Пежо», слегка «откашлившись», если можно так выразиться, как не в чем не бывало начал отбивать свой известный ему ритм.

Успокоив машину, выключив двигатель, я, закрыл гараж. Василий торопился. Он был человек «занятой». Это раньше, когда его деятельность ограничивалась заводом, где он работал инженером, времени хватало. Правда, тогда он был не женат. Да и жизнь в стране была спокойной. Теперь же, все обстояло иначе. Обзаведясь семьей, Василий, когда завод стало «лихорадить» был вынужден уйти и ради приличного заработка организовать свое дело. А оно, как известно, требовало полной отдачи. Так же, как и я, Василий не обращал внимания на график. Часто задерживался после работы.

Однако по мере возможности хотя и редко, но бывал у нас.

Я в отличие от него, после несчастного случая, приключившегося со мной и фиктивной смерти для моей невесты, к Василию не ездил совсем. Даже в торжественных случаях. Просто боялся нечаянной встречи с ней, так как она жила по соседству с моим двоюродным братом. В молодости я даже оставался у Василия с ночевкой из-за того, что, прогуляв с девушкой до двух-трех часов ночи, был не в состоянии добраться домой. На такси у меня денег не было, а городской транспорт уже не ходил.

Познакомил меня с ней двоюродный брат, когда мы учились. Я бегал в художественное училище, а он в технический институт. Девушка была его однокурсницей. Ее звали Вероникой. Не знаю, чем она мне тогда приглянулась, рядом были и более красивые, однако, увидев ее, я весь напрягся, рука невольно дернулась и, будто почувствовав кисть, сжалась. Еще мгновение и я был готов начать писать ее портрет.

Простое русское лицо: волосы, заплетенные в косу, высокий открытый лоб, светлые выразительные глаза, прямой нос и красные без помады полные губы – оно и сейчас мне видится, стоит только закрыть глаза.

Прошло много лет – более десяти, но в мыслях я продол-

жал Веронику называть своей. Василий знал от чего я к нему не езжу, и на меня не обижался. Однако на этот раз, усаживаясь в машину, взглянув на меня он сказал:

– Слава, я, конечно, понимаю твое положение, но годы нас изменили так, что тебе уже не чего прятаться и бояться встречи с прошлым. Пусть ты увидишь свою Веру...

– Не Веру, а Веронику, – поправил его я. Он почему-то всегда называл ее обыденно. Однако на этот раз, послушавшись меня, поправился:

– Веронику, но это уже будет не твоя Вероника. Я молчал, не говорил тебе. Но как-то раз я ее видел, правда издали: она перебегала дорогу, держа за руку девочку. – Он помолчал, а затем продолжил: – Твои объяснения, если вы, конечно, встретитесь, и она их захочет услышать, для нее после стольких лет будут ни что, тебя же, возможно, не знаю, они успокоят, поэтому прошу тебя, наберись смелости и приезжай. Я жду тебя.

– Хорошо, – ответил я, – подумаю над твоим предложением. Ведь я понимаю какую-то недосказанность, существующую, между нами. Наверное, ты был прав тогда, когда мне говорил, что в горе рядом должны быть не только мать, отец, братья, сестры, но и если тебе более двадцати лет – любимая

девушка.

– Прав, не прав, не мучай себя, – сказал Василий, махнув мне на прощание рукой.

Машина, тронулась с места и, быстро скрылась в полутьме двора, а я еще долго стоял и размышлял над нашим разговором. Мне не хотелось признаваться себе в том, что я сам себе испортил жизнь.

Усевшись после ремонта «Пежо» снова за руль я словно ожил. В моей повседневной жизни автомобиль занимал важное место. Без него многие дела были просто отнесены на потом. Сейчас приходилось наверстывать упущенное время. Однако, как я не был занят работой, мои мысли о встрече в «метро», с не молодой странной женщиной, беспокоили меня. Было в ней что-то влекущее, прятавшееся за маской – раковиной. Стоило убрать наслоения долгих, тяжелых, неродных лет и вот она перед тобой. Бери кисть и рисуй. Но для того, чтобы увидеть ее изнутри, такой, какая она есть, нужно было время, а времени не было.

Работа, она отнимала не только часы, дни, недели, но и месяцы. Порой я, утром, оказавшись в гараже, даже мечтал, что вот вдруг снова забарахлит мотор и мой «Пежо» заглохнет. Но нет его двигатель в любой день, каким бы он не был

тяжелым, без запинки начинал отбивать свой известный ему ритм.

Просто закрыть гараж и поехать на автобусе, а затем в метро я не отваживался, да и работа над проектом требовала наличия машины. Мой клиент, Алексей Иванович беспокоил меня, своим вниманием, ему не терпелось как можно скорее увидеть каким будет здание. Конечно, мои ребята пока я работал над проектом, занимались подготовительными работами.

Дела у меня продвигались быстро. Правда, были и некоторые задержки. Для решения сложных задач мне пришлось поехать по усадьбам-музеям, покопаться в библиотеках, поговорить со знающими людьми.

Скоро мой проект был готов. В нем я предусмотрел не только старые довольно известные материалы, но и новые, заполонившие в последнее время наш рынок. Наряду с использованием лепнины, всевозможных мозаичных и раскрашенных масляными красками панно, дубового паркета особое место отводилось навесным потолкам, современным металлическим карнизам, шелкографическим обоям, ламинированным полам, миниатюрным для обеспечения подсветки лампам.

Время от времени я встречался с господином Ломановым для решения простых, несложных вопросов. Встречи наши были короткими. И, как правило, проходили во время обеда, в каком-нибудь ресторане.

Настало время и я позвонив ему по телефону, поехал к нему в офис в надежде без спешки обсудить весь проект.

Впустили меня в здание не сразу, пришлось назвать причину своего визита, предъявить паспорт и выписать пропуск. Затем, когда я поднялся на лифте и отыскав нужную мне комнату позвонил мне долго не открывали. После того, как я снова назвал свою фамилию и причину визита, щелкнул замок, и дверь распахнулась.

Арендуемое фирмой помещение находилось в здании научно-исследовательского института. Оно было добротное. Имело более двадцати этажей. И, как я понял, многие из его комнат сдавались.

Алексей Иванович проводил меня в свой кабинет. Он, как и комнаты, которые мы миновали, был светлым, хотя окон в нем я и не нашел. Стены, потолки, да и полы – все напоминало мне больничную палату. Положение, вызывавшее у меня неловкость, от этой белизны, я решил использовать в своей речи и поэтому с удовольствием принялся разворачи-

вать плакаты.

Во время доклада я был не многословен. Однако мои слова были убедительны. Я понял об этом, правда не сразу, а после, когда мы, расслабив галстуки, пили, принесенный нам молоденькой хрупкой секретаршей, кофе. Ломанов долго молчал, как бы наслаждаясь ароматом напитка, затем, почесав свой по моде небритый подбородок, сознался в том, что его эта стерильность порой тоже выводит из себя. Проводив меня до двери, он долго жал мне руку. Видно, было, что Алексей Иванович доволен. Шел последний месяц весны. К концу лета или же чуть позже, осенью он мог отказаться от аренды и перебраться в свое здание.

Спускаясь на лифте, я столкнулся со своей знакомой, Верой Васильевной. Она работала в том же здании, что и господин Ломанов, но занималась не престижной деятельностью – наукой. «Отметившись» Вера Васильевна спешила на выход. Увидев, что я на машине она попросила меня подвезти ее.

– Опаздываю, – сказала Вера Васильевна, – задержалась я тут. – Я, расспросив, куда ей нужно, подкатил к самой школе. Район, где она находилась, был мне знаком. Забравшись в него, я понял, что слова моего двоюродного брата Василия начали сбываться. В любой момент я мог столкнуться с прошлым. Однако боязнь того, что это вдруг произойдет сейчас,

а не потому была велика. Едва, высадив Веру Васильевну на тротуар, я надавил на акселератор. Мне не хотелось, задерживаться и, мучить себя воспоминаниями, достаточно было настоящих впечатлений, как ни как судьба вновь столкнула меня с этой странной женщиной. Правда дорога была не долгой, но мы все-таки нашли время поговорить. Телефон свой она мне не дала, но зато записала к себе в книжку мой и не где-нибудь, а на первом листе – чиркнув: «Вячеслав Петрович и далее номер».

Но, записать записала, а вот звонить, почему-то не звонила. Я не знал в чем причина. Ждал. Порой, даже хотел снова попытаться встретиться с ней вдруг, случайно в институте, прежде заглянув в офис к Алексею Ивановичу. Но напрашиваться на встречу с ним без необходимости не хотелось. К тому же я мог и не столкнуться с Верой Васильевной.

Работа по отделке фасада здания была закончена, основное внимание теперь уделялось внутренней отделке интерьеров. Дабы до минимума сократить расходы по снабжению строительства всеми необходимыми материалами к нам господином Ломановым был приставлен человек. Он имел обширные связи и по этой причине был довольно расторопным. Буквально через день, другой, все заказанное мной, появлялось в нужном количестве и нужного качества. Нам оставалось, только не разгибаясь работать, работать и рабо-

тать.

За работой я порой не видел света божьего. Все мои знания и опыт были задействованы для ее выполнения. Никто мне не мешал. Я мог быть в полной мере оригинальным. Все зависело от времени. Его, конечно, катастрофически не хватало. Однако дни, шли и скоро я, прохаживаясь по комнатам, мог с удовольствием лицезреть результат ранее задуманного.

– Чтобы сказали мои старые друзья, коллеги, – говорил я себе, – ведь они никогда не видели во мне художника. Мое умение быстро и четко копировать работы мастеров у многих наших студентов вызывало удивление. Мне пророчили будущее хорошего реставратора. Помню, некоторые даже советовали бросить факультет: «монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства» и перейти на факультет: «реставрации и технологии живописи». Но я сопротивлялся, так как профессию реставратора считал профессией стариков, однако переродиться, стать молодым, как не стремился, не мог. Так и ходил с «бородой». Раньше я, не имея ее, просто-напросто чувствовал, теперь же, чтобы скрыть недостатки лица после катастрофы – отрастил и наблюдал всякий раз, когда случайно оказывался перед зеркалом.

Минул месяц, другой. Мое желание лицезреть Веру Ва-

сильевну, хотя и было велико, все время откладывалось на потом. Снова должно было что-то такое произойти, чтобы мы могли встретиться. И это что-то произошло. Помог мой двоюродный брат Василий. Его телефонный звонок не был очень уж неожиданным, но все-таки застал меня врасплох. Брат, напомнив мне о нашем последнем разговоре, попросил меня в воскресенье быть у него. Он, ни с того ни с сего, решил отметить свой день рождения. Обычно Василий, как и я, слабо реагировал на всевозможные «красные» даты и по возможности стремился их пропускать. Но, так как он был человеком семейным, то это ему не всегда удавалось.

Я знал его жену, их дочку, сына. Они не раз приезжали к нам в гости. Даже мои тетя и дядя, оставившие после женьитьбы Василия квартиру молодым и то, хотя и редко, но находили время из дальнего Подмосковья, где они купили себе дом, нет-нет, да и приезжать к нам. Мать с отцом тоже бывали у них, а я вот не отваживался. Теперь же мне нужно было решиться, сесть в свой «Пежо» и отправиться навстречу со своим прошлым.

Рано утром в воскресенье Василий на всякий случай, чтобы я не «отвертелся», подъехал к моему дому. Однако застать меня так и не сумел. Я был уже на работе. Конечно, я не собирался обманывать брата, но так как все мои ребята находились на объекте и в поте лица трудились, мне ничего

не оставалось, как побыть хотя бы несколько часов возле них рядом.

Во второй половине дня я, освободившись от дел, поехал к нему. Подъезжая, к дому брата я задумался, отвлекшись от дороги, чуть было не совершил наезд. Еще мгновение, если бы я не успел нажать на тормоза, девочка- подросток могла бы оказаться под колесами. Выскочив из машины, я собирался заругаться, но, увидев ленточку, перегораживающую дорогу, ни с того ни сего, улыбнулся.

Ответно улыбнувшись мне, и сверкнув остренькими глазами, девочка тут же потребовала с меня выкуп. Я не понимал. Но скоро до меня дошло. Ведь я, въехав во двор, можно сказать, следовал за «кавалькадой» свадебных машин.

Взглянув, еще раз на бесенка в платьице, я решил не спорить и раскошелиться. Как раз под рукой в кармане оказалась небольшая купюра. Я сунул ее девочке.

– Ух, ты! – сказала она, подбежавшей к ней подружке, – да мы с тобой теперь богатенькие.

– Ну, раз вы богатенькие, тогда бежите в магазин, – сказал я, усаживаясь за руль, чтобы продолжить свой путь. Однако, не тут-то было. Мне снова перегородили дорогу.

Выбравшись, из машины я увидел возле девочек Веру Васильевну. Она, как я понял, была не довольна ими.

Мы поприветствовали друг друга. Узнав, что ее беспокоит я, попросил не ругать девочек и отпустить, так по ошибке они приняли мою машину за свадебную. Согласно обычая, я дал им выкуп, деньги не большие, однако Вере Васильевне это не понравилось.

– Маша, – обратилась она к известной уже мне девочке, – сейчас же верни Вячеславу Петровичу деньги.

– Нет-нет, – сказал я, – деньги назад я не возьму, пусть останутся им на мороженое.

Девочки, обрадовавшись, закричали:

– Ура-а-а! – и бросились бежать, а я остался с Верой Васильевной наедине.

—Как вам не стыдно, – сказала она, – и я, вдруг почувствовав себя провинившимся мальчиком, стоящим у доски перед учительницей, стушевался. Но, тут же оправившись и приняв вид пожилого с сединами мужчины, со смехом взглянув на нее, спросил:

– А вам Вера Васильевна? Вы вспомните свое детство. Наверное, тоже вот так бегали с ленточкой и перегораживали дорогу?

– Да! Но ведь тогда давали копейки, а вы отвалили им целых пятьдесят рублей.

– К тому же если рассуждать на тему воспитания, – продолжил я, – это раньше когда-то в нашем пионерском детстве, ради «светлого будущего», поощрялось вмешательство в чужую личную жизнь. Теперь же..., – и я хотел продолжить, – но Вера Васильевна прервала меня:

– Ни в какую чужую личную жизнь я не вмешиваюсь. Маша, девочка которой вы дали деньги, моя дочь.

– Как, это ваша дочь, – опешил я, – ведь вы же мне когда-то сказали, что не замужем, – и тут же сообразив, что женщине не обязательно быть замужем, чтобы иметь ребенка, засмутился.

– Не замужем, – ответила, тоже засмутовавшись, Вера Васильевна. – Так, уж получилось, – и задумалась, а потом, спохватившись, сказала: – Ой, извините я, наверное, вас задерживаю. Вы куда-то спешите!

– Да! – согласился я, – к родственникам. Они здесь не далеко живут.

– Странно, почему же я Вас раньше никогда не встречала, живу здесь рядом, – сказала она, освобождая мне дорогу.

– Не судьба была, вот и не встречали, – пришлось ответить мне. Проехав на машине каких-то метров пятьдесят, я остановиться.

У подъезда дома меня подждал двоюродный брат Василий. Не знаю, видел он меня с Верой Васильевной или нет, но расспрашивать не стал. Может быть потому, что гости уже были готовы сесть за стол.

Отказавшись от спиртных напитков, я в основном закусывал и пил «Боржоми». Василий тоже так же поступал, когда бывал в гостях. Порой он, хлопая меня по плечу, говаривал: «Я для чего к тебе приехал, чтобы тебя немного развеселить, отвлечь от работы, а то ты ведь ни выходных, ни праздников, ни отпусков не признаешь Мне нельзя, я за рулем, а ты пей, почувствуешь себя человеком. Но смотри рюмка, другая лишняя и ты уже свинья». Я не хотя слушался его и пил. Теперь он действовал по тому же правилу: тянул рюмку за рюмкой. А когда основательно набрался, зачем-то подмиг-

нув мне, сказал, что я молодец и, наверное, чувствую себя как вновь родившимся человеком.

Я возражать не стал, хотя его слова мне были не понятны. Тогда не понятны. Конечно, если бы я, задержался и посто-ял с ним у дома, ведь он порывался продолжить свою нача-тую еще за столом речь, то пелена бы спала, но в моей ду-ше был один страх и ни чего более. Я торопился, так как невольно увеличивался риск нечаянно встретиться со сво-ей бывшей невестой. Наш громкий разговор у подъезда мог привлечь кого угодно, пожав на прощанье брату руку, не за-держиваясь, я юркнул в машину. Выруливая, на дорогу тем-ными дворами, я невольно размышлял, что Василий теперь от меня уже не отстанет и снова попытается вытянуть из до-ма. Раз-другой я, конечно, могу отказаться, но потом при-дется все-таки поехать. Может быть, Бог снова милует меня, и я не встречу со своей Вероникой. Но надежда эта была слабой. Мне необходимо было готовиться, к тому, что могло произойти. Хотя, возможно, Василий был прав, когда гово-рил мне, чтобы я не боялся. Как, ни как прошло много лет. Зачем мне тяготиться прошлым. Почему я не могу быть сво-бодным. Ну, увидимся мы, поговорим, а нет так и нет.

Нравиться мне чем-то Вера Васильевна может и нужно как-то тянуться, искать с ней встреч, а не думать о прошлом. Правда, с Верой Васильевной тоже не легко. Казалось, про-

стое внимание, которое я пытался ей оказывать, как-то под-
дать руку или же поддержать, взяв ее за талию, Веру Васи-
льевну нервировало. В автомобиле, когда я подвозил ее, до
школы и, нас на повороте прижало друг к другу она, так рез-
ко отскочила от меня, что я даже испугался. Увидев мою ре-
акцию, Вера Васильевна извинилась и сказала: «Не люблю я
мужиков. Даже простое соприкосновение у меня почему-то
вызывает внутри какое-то непонятное чувство отвращения.
Конечно, вы не в счет. К вам я отношусь иначе».

Однако вряд ли она могла относиться ко мне иначе, я ведь
тоже был мужчиной. Глядя на нее, я, почему-то думал, что ее
действия, направленные на то, чтобы отодвинуться не только
от меня..., возможно, связаны с ее прошлым. Оно, также,
как и надо мной, довлеет над нею. Нужно просто подождать.
Чувства, запрятанные глубоко в душе, вырвутся наружу, и
ей не захочется, подобно мужчине, тянуть все самой. Ведь
смогла же жена моего двоюродного брата Василия побороть
себя и, когда потребовалось уделять больше времени детям
бросить работу, стать полностью зависимой от мужа.

Отдавшись, работе я старался проявить себя. Мне хоте-
лось, достигнув желаемого, посредством воплощения про-
екта в жизнь освободиться от мук неудачника, которые всю
жизнь преследовали меня. Наверное, с того самого момен-
та, когда я, еще обучаясь в Строгановском училище, зани-

мался изучением старорусского искусства. Посещая малоизвестные периферийные музеи, бывая в монастырях, рассматривая купола церквей, я тогда притащил домой икону. На ней был изображен Спаситель. Она была в плохом состоянии. Мне ее, подарила какая-то сердобольная деревенская старушка.

Икону Спасителя я, после собственноручной реставрации, на которую потратил не мало времени, повесил у себя над кроватью. В ней чувствовался высокий художественный вкус. Меня она удивляла манерой письма. Почерк ее отличался от известных русских иконописцев. Я попытался ее идентифицировать. Но напрасно. Казалось какой-то достаточно преуспевший в своем ремесле умелец, долго работавший и уничтожавший все свои творения, вдруг удовлетворившись, выставил ее на суд истории. И победил. Все, кто не бывал у меня в доме из нашей «братии» художников видели в ней «верх» мастерства.

«Вячеслав! Вот бы и тебе так писать» – говорили они мне. Я был с ними согласен, но у меня почему-то не получалось. Восстановив икону, я приобрел много такого, что напрочь отодвинуло мою индивидуальность. Все, что я после не делал, было обычным копированием. Я мучился, работал над собой. Поиск своего почерка требовал от меня невероятных усилий. Только благодаря кропотливой работе я мог стать

свободным от прошлого человеком. Чтобы укрепиться в вере в свои силы я отодвигал образ Веры Васильевны.

Шло время. Лето подходило к концу. Мы заканчивали отделку особняка. Алексей Иванович был доволен, предчувствуя скорое новоселье, все чаще посещал нас. Однако не беспокоил. Наверное, работа наша ему нравилась. Не беспокоил меня и двоюродный брат Василий. Я думал, что после нашей последней встречи не пройдет и недели как он снова постарается меня вытащить к себе. Но нет. Видно, он чувствовал мою занятость или же сам был весь в работе. Словом, я был предоставлен сам себе.

Звонок Веры Васильевны, раздавшийся в офисе, стал для меня неожиданным. Она просила меня о небольшой услуге. Ей нужно было на машине отвезти старенькую мать и дочь на дачу к сестре. Она очень извинялась, что вынуждена просить меня о помощи.

Я согласился и в ближайший выходной день, забравшись в свой «Пежо», направился в злополучный район, в котором прошла моя молодость. Страх я почему-то не испытывал.

Встретились мы с Верой Васильевной в том самом месте, где месяц-полтора назад мне преградила путь ее дочка Маша.

Вера Васильевна села в машину и мы поехали.

Все мне здесь казалось знакомым, хотя на месте невысоких домиков, располагавшихся где-то здесь рядом, окаймленных зарослями вишни, стояли огромные коробки многоэтажных домов. Вера Васильевна показывала дорогу. Проехали мы совсем ничего и остановились.

В квартиру я подниматься не стал. Однако ждать мне пришлось не долго. Вначале из дома выскочила дочка Веры Васильевны с сумкой, за ней через какое-то время появилась и она сама. Вера Васильевна вела, поддерживая под руку сухонькую старушку – свою мать. Девочка, увидев мой автомобиль, обрадовалась.

– Мама, мама! – закричала она, – мы, что на иностранной машине поедem.

— Да Маша! – ответила Вера Васильевна.

Я вышел из машины, чтобы помочь им.

– Познакомься! – сказала она вначале дочке. – Это ...

– Дядя Слава! – представился я.

– Как дядя Слава! – вдруг опешила женщина.

– Да. Иначе Вячеслав Петрович!

– Ах да, – и, повернувшись к матери, она сказала, – мам, – это Вячеслав Петрович.

Когда мать уселась в машину Вера Васильевна вместе с Машей сбегала снова в дом и принесла еще несколько небольших сумок, после чего мы поехали.

Дача находилась не близко. Если бы я знал, то выехал бы пораньше.

Возвращался я домой поздно. Однако не один со мной рядом сидела Вера Васильевна. Оставив, мать и дочку на попечение своей сестры она спешила в город. Лето для нее не проходило в лени и праздности, освободившись, на время каникул, от школы она подрабатывала уборщицей. К тому же Вера Васильевна должна была «отмечаться» и в институте.

Когда мы уже были в городе, начался дождь. Вначале он был небольшим. Однако скоро разразился такой ливень, что я с трудом вел машину. К дому мы подъехали в сплошной темноте, время от времени разрываемой светом молний и с

раскатами грома становящейся еще чернее.

Вера Васильевна пригласила меня к себе переждать непогоду. Выходить из машины не хотелось. Однако пришлось. Прежде чем мы успели добежать до дома, в считанные секунды вымокли. Когда я следом за Верой Васильевной поднялся в квартиру она, оглядев меня, улыбнулась и предложила снять мокрую одежду, так как ее нужно было просушить. Взамен Вера Васильевна дала мне халат.

– У нас в доме мужчин нет, так что ничего другого предложить вам не могу, – сказала она, снова улыбнувшись, наверное, мой вид был непрезентабелен. Взглянув на Веру Васильевну, я тоже улыбнулся. Она выглядела не лучше. Дождь постарался.

Мы попили чаю, согрелись. Моя одежда, развешанная в ванне, слегка просохла. Можно было и собираться. Я подошел к окну, чтобы посмотреть, что твориться на улице. Вера Васильевна воскликнула:

– Вячеслав Петрович подождите я, сейчас, выключу свет, иначе вы ничего не увидите. Нажав на кнопку выключателя, она подошла ко мне. Прижавшись лицом к стеклу, я увидел, что дождь и не думает оканчиваться. Даже наоборот усиливается.

– Да! – сказала Вера Васильевна, тоже вглядываясь в темноту, – дождь видно зарядил надолго. Придется вам еще побыть у меня. – Она помолчала, а затем продолжила: – Вы не обижаетесь на меня за сегодняшний день, ведь я вас, можно сказать, оторвала от дел.

– Да, нет, не обижаюсь, – ответил я, – напротив, в какой-то мере, даже доволен. Когда бы я, вот так, вдруг, ни с того ни с сего, оказался в местах своей молодости. Вон, видите тот дом. Это дом, в котором живет мой двоюродный брат. Раньше, давно это было, я дружил с одной девушкой, порой задержавшись, оставался ночевать у своих родственников. Может мне сейчас тоже позвонить им и попроситься в гости.

– Да нет, не нужно, – ответила Вера Васильевна, – ведь я вас не выгоняю. Лучше позвоните домой и предупредите своих родных, чтобы не беспокоились. И она, как будто оступившись, слегка подалась назад, прижавшись ко мне спиной.

– Помните, – спросила Вера Васильевна, – Вы были как-то удивлены, что я не замужем, а имею ребенка.

– Что вы, что вы! Стоит ли об этом вспоминать.

– Не знаю, – ответила она, – но лучше я вам все-таки рас-

скажу. Вас ведь Вячеславом Петровичем зовут, или как вы назвались моей дочке дядей Славой, а короче Славой. Вот и моего парня также звали Славой.

За окном лил дождь. Время от времени вспыхивали молнии и, раскатисто, трещал гром. Свет в комнате не горел. Обстановка была романтической и очень похожей на ту которая мне не раз виделась во сне, потому что когда-то давно все это уже было.

– Я ведь вам там, в метро не соврала, когда сказала, что я не замужем. Просто в жизни так получилось, что мой Слава погиб под колесами автомобиля. Все произошло у меня на глазах. В одном я себя виню, что, когда врач «скорой помощи» констатировал факт смерти, не сумела уговорить его взять меня с собой в больницу.

– Как! – опешил я, все больше и больше понимая происходящее, – как констатировал факт смерти. Разве не мой брат Василий сказал тебе, что Слава умер. Сказать – «я умер» у меня почему-то не повернулся язык.

– Нет, его брат, как же его зовут, ах да Василием, мне о Славе ничего не говорил. Он, тогда был так убит этим горем, что я сама его успокаивала. Мы тогда встретились с ним в институте, мы заканчивали последний курс. Я хотела пойти

на похороны, но он, неожиданно придя в себя, взял с меня слово, что я не пойду к Славе домой, и не буду расстраивать его родителей и поскорее постараюсь о нем забыть. Забыть я, конечно, не забыла. Однако с его родителями после того не встречалась.

Вера Васильевна, правильнее Вероника, чувствуя какое-то дрожание исходящее изнутри меня, покачнулась и еще сильнее прижалась ко мне.

– А ребенок, девочка это его дочка, – спросил я.

– Да! У нее и отчество его – Вячеславовна, Мария Вячеславовна. Она можно сказать тогда меня и вернула к жизни. Я ведь долгое время была сама не своя. Отдав ей, всю себя я, конечно, сильно изменилась, стала больше похожей не на женщину, а на мужчину. У меня если хорошенько приглядеться, то на верхней губе и на бороде можно увидеть волоски. Я слышала, что в полных семьях девочек обычно ласкают отцы, а мальчиков матери. А мне пришлось больше быть ей отцом, чем матерью. Отсюда, наверное, моя нелюбовь к мужчинам.

Я стоял и молчал. Мои руки ласкали ее плечи, стараясь успокоить трепещущую от груза тяжелых воспоминаний женщину, долго, как и я ждавшую своего счастья. Она

невольюно противилась моим ласкам. Порой мне казалось, что в какой-то момент вдруг не выдержит и, повернувшись, крикнет мне как во время встречи в метро: – «Сволочь! Сейчас милицию позову!», – но она молчала.

Да, это была она, моя невеста. Она была замкнута от всех мужчин, окружавших ее, отдавшись полностью своей дочери. Благодаря этому Вера Васильевна сумела выстоять и даже в тяжелые годы не искала опоры, твердого мужского плеча.

Не знаю, как могло все случиться, но мы встретились. Правда, я уже был другим. Вероника, вслушиваясь в мои слова, верила и не верила мне. Попав под машину, я очень сильно, изменился, перестав быть красавцем, который нравился многим девушкам. Тот Слава, можно сказать, умер, получив многочисленные переломы тазобедренных костей, разрыв брюшины, сотрясение мозга. Однако что-то внутри нас происходило, такое, что без слов как когда-то в дни молодости готово было слить воедино. Так же, как и в метро, моя Вероника буквально растворялась во мне. Память прошлого счастья, казалось, безвозвратно ушедшего, рисовала не только мне, но и ей картины нового нашего бытия. Мужское, вторичное при возобладавшем в ней, благодаря моему теплу начало постепенно уступать женскому началу. Вероника медлила. Я, понимал ее. Раньше она была смелой и ре-

шительной. Благодаря ней я стал отцом прелестной девочки. Теперь я должен был быть мужчиной. И, я им стал. Когда мы, утомленные, лежали на кровати, я вдруг не выдержал и спросил:

– Вероника, а помнишь ты икону Спаса.

– Как же не помнить, помню. Ты долго с ней носился. Реставрировал ее. Можно сказать, что с нее все и началось. Ведь ты хотел быть таким же, как тот неизвестный художник.

– Да, – ответил я, – с него. Ведь после него, вдруг все мои коллеги, да и не только они, но и преподаватели «Строганки» увидели во мне реставратора. Я же хотел быть художником. Сейчас, только сейчас я начинаю ощущать в себе мастера, а раньше... – ты помнишь, я замолчал на какое то время, а затем, сглотнув слюну, продолжил, – Спас, как эталон, постоянно пребывавший у меня перед глазами со временем стал злить меня.

– Однажды! – перебив меня, сказала Вероника, – ты не сдержавшись, стал бросать в него дротиками. Они, эти самые дротики были на присосках, и повредить икону не могли, но само твое действие, конечно, было кощунственно.

– Да, я понимаю, – наверное, ты тогда меня и спасла. Твой

крик: «Слава! Слава! Что ты делаешь! – и сейчас стоит у меня в ушах.

– А что сейчас, цела ли та икона, – спросила Вероника.

– Да. – Ответил я. – Цела. Она висит у меня над кроватью. Утром, перед тем как выйти из дома я часто бросаю на нее взгляд. Порой крещусь.

2000г.

Черт крутит

О трудностях, казалось, не стоило даже задумываться: я перебирался с «низу» на «вверх». В полном смысле этого выражения: с нижнего этажа, где располагался термический цех и где я работал калильщиком, на второй этаж работать инженером. В этом ничего не было странного, без отрыва от производства, я заканчивал институт. Меня, в связи с нехваткой инженерных кадров на заводе пригласили в отдел Главного металлурга.

До того как я окончательно дал свое согласие ко мне, разгоряченному, суматошно бегающему вокруг печи, чтобы вовремя загрузить ее деталями и в нужный момент, вытащив уже нагретые до белого каления металлическим длинным крючком, опустить с шипением в масляный бак, не один раз подходил начальник термической лаборатории Анатолий Никитич.

Он был человек полный и может быть, поэтому характера мягкого. Ненамного старше меня и ненамного выше меня ростом. Поэтому мне не приходилось смотреть на него снизу вверх. По прошествии какого-то времени я понял, что с ним работать можно. Чего нельзя было сказать о Лидии Ивановне, в распоряжение которой я попал. Папки с документа-

ми для начального ознакомления с обязанностями инженера-технолога она мне, можно сказать, бросила на стол. Долгое время вообще не обращала на меня внимания, ни каких поручений мне не давала, и я волей-неволей был вынужден сам проявлять инициативу или же обращаться к Анатолию Никитичу. При моем обращении к нему женщина на меня смотрела с большим неудовольствием и готова была в любой момент наброситься на нас обоих.

Лидия Ивановна, особа невысокого роста, худая с резким лицом, бросавшимся в глаза, была странной женщиной. Ее поведение начальник лаборатории объяснял неустроенностью в жизни и советовал вести с ней «интеллигентно». Как «интеллигентно» он не говорил. Мне, приходилось самому решать, чего я мог позволить себе в ее присутствии, чего нет.

После, когда я со многими сотрудниками лаборатории был уже знаком, мне пришлось сделать для себя не мало-важный вывод, что интеллигентно необходимо было вести не только в присутствии с Лидией Ивановной. Если покопаться хорошо в памяти, я мог кроме нее назвать еще несколько человек по характеру очень напоминающих мою начальницу. Лаборатория, да и не только она, отдел в основном был женским.

Отношения в лаборатории с людьми у меня были тяжелыми. Наверное, это было вызвано тем, что я не мог понять своей роли в коллективе, которую отвела мне Лидия Ивановна, и оттого совершал не те поступки, которых она от меня ждала. Не один раз я был на грани срыва. Моя начальница постоянно пыталась уличить меня в кознях якобы совершаемых против нее. Любые, непонятные для нее мои отношения с коллегами по работе, особенно с женщинами, вызывали у нее гнев. В конфликты она стремилась втянуть как можно большее количество людей. Ее докладные записки к руководству летели одна за другой. Не раз меня вызывали к Главному металлургу. Объяснять положение приходил Анатолий Никитич. Главный металлург, конечно, знал Лидию Ивановну и, выслушав вначале меня, а потом моего начальника, относился ко мне в какой-то мере по-отечески, слегка пожурился.

В доверительных беседах со мной Анатолий Никитич всякий раз, когда назревал конфликт, заставлял меня успокоиться:

– Бросьте Петр Петрович! Что вы так переживаете. Баба подурит и перестанет. Думаете, мне легко управляться, посмотрите вокруг: Лидия Ивановна «ягодка» не первой свежести, не замужем; Нина Павловна, вы ее знаете, разведена; Галина Александровна одна растит сына. Евдокия Алексе-

евна, который год старается найти себе спутника жизни... – хотите, я продолжу.

Не один раз я помышлял, что должность инженера не для меня, и готов был даже вернуться на прежнюю работу.

Однажды я спустился по ступеням вниз, в термический цех и увидел на своем бывшем месте рыжего парня. Он длинным металлическим крючком доставал из печи детали, на мгновение поднял голову, кивнул в знак приветствия и продолжил свое дело. Я буркнул ему: – «Привет!» – И, развернувшись, тут же ушел. Мне ничего не оставалось делать – работать инженером.

Правда, за успокоением я мог ходить и ходил на первый этаж и среди рабочих, своих друзей расслаблялся. Однако так долго продолжаться не могло. Конечно, мне были рады, но точек соприкосновения с каждой встречей становилось все меньше и меньше. Скоро я совсем перестал ходить к ребятам в цех, лишь только при необходимости. Комфортного состояния мне приходилось добиваться в том коллективе, в который я попал, дав согласие на переход в отдел Главного металлурга.

Анализируя свое положение в лаборатории, конечно по прошествии не одного года, я понял, что не один чувство-

вал неудовлетворенность. Однако таких людей было мало. Возможно, это было связано с моим характером. Хотя я, конечно, не был скандальным. Напротив, часто отмалчивался. Себя не выпячивал. Привыкание мое, если я попадал в какую-нибудь незнакомую обстановку, происходило обычно быстро, тому был полученный, хотя и не большой жизненный опыт. После окончания десятилетки я, прежде чем приехать из далекого села в большой город, прошел хорошую школу жизни в армии. Проблем, связанных с общением, у меня не было, даже в общежитии, куда меня поселили после трудоустройства на завод, хотя вместе со мной жили люди разных возрастов, а тут у меня никак не получалось. Держался я, в коллективе, больше за счет Анатолия Никитича. Он помогал не только мне, но и другим моим коллегам.

Анатолий Никитич, так как коллектив был в основном женским, находился на положении своего рода «петуха». Конечно, зная его характер, я понимал, что начальник не мог позволить себе вести по-донжуански плохо. Совет, данный им, когда-то мне «быть интеллигентным» распространялся и на него. Однако лукавая улыбка Анатолия Никитича, серые, начинавшиеся искриться глаза, все это когда он выдавал своим подчиненным задания, вселяло в сердца коллег-женщин надежду на что-то большее, чем простое отношение начальника к своим подчиненным.

Начальник лаборатории был не женат. И как я знал, не собирался обзаводиться семьей, так как считал себя убежденным холостяком чем-то сродни окружавшим его женщинам. С глазу на глаз, не знаю серьезно или нет, он мне однажды сказал, что если женится, то коллектив просто лопнет по швам.

Комната, где стоял мой рабочий стол, была большой и несколько шумной. В ней работало более десяти человек. И все они были с характером. Анатолию Никитичу приходилось туго. Лидия Ивановна допекала не только меня. Из всех женщин, работавших в лаборатории, он от нее, наверное, страдал больше всех. Особенно в те дни, когда ей удавалось зацепить Галину Александровну, а еще хуже Нину Павловну. Та уж себя в обиду никогда не давала. Шум был просто невыносимый. Их недовольствие распространялось на всю комнату. Аура, можно сказать, была зловещей – гремел гром и летали молнии.

Не знаю, как бы я долго терпел неудобства работая с Лидией Ивановной, но скоро ситуация в лаборатории изменилась: к нам в коллектив пришли сотрудники из научно-исследовательского института. Их было трое. Предводительствовал мужчина лет тридцати пяти-сорока – Виктор Алексеевич. Он был на первый случай довольно ярок в своем светлом костюме. Его сотрудницы, две молодые девушки,

выглядели тоже довольно импозантно.

Они, согласно подписанного с нашим заводом договора о сотрудничестве, должны были заняться совершенствованием технологии термической обработки деталей. С ними кто-то должен был работать. После безуспешных длительных летучек, всевозможных планерок и совещаний, Анатолий Никитич обратился к Лидии Ивановне о командировании меня для этой важной и ответственной работы. На что моя начальница, резко взглянув на него, при многих присутствующих, находящихся в нашей большой комнате со злобой в голосе, выдала:

– Вот и хорошо! Пусть уходит! Такой специалист мне не нужен!

Так в большом коллективе образовался мини коллектив. Ситуация, конечно, неординарная. Однако это новое образование не претендовало быть постоянным. Неудобства, которые испытывали сотрудники термической лаборатории, от нахождения в комнате чужих людей считались временными и поэтому мои коллеги как-то с этим мирились. Я же странно, но неудобств не испытывал, даже наоборот ощущал какое-то удовлетворение.

Виктор Алексеевич был ведущим научным сотрудником

института, кандидатом технических наук, автором новых довольно перспективных разработок. Он возглавлял сектор, в который входили приглянувшиеся мне девушки. Я познакомился с ними: темноволосую, с черными как у цыганки большими глазами, стройную и прямую в отношениях звали Еленой Михайловной; девушка несколько ниже ее ростом, светлолицая и полная представилась мне Мариной Сергеевной. Глядя на них, я некоторое время думал – чем не невесты для меня. Тогда я еще не был женат и в красивых девушках видел претенденток занять пустующее возле себя место.

В последствии Виктор Алексеевич стал мне, наставником, старшим моим товарищем, Елена Михайловна и Марина Сергеевна добрыми друзьями. Получилось это как-то незаметно без особых усилий, как с моей стороны, так и с их, во время знакомства с термическим цехом, оборудованием, технологией производства деталей. Часто бывая «внизу» рядом со мною, Елена Михайловна и Марина Сергеевна довольно быстро превратились в Лену и Марину. Я обращался к ним запросто и без каких-либо затруднений. Они отвечали мне взаимностью.

Наш мини коллектив был на зависть Лидии Ивановне крепким и добрым. Порой мы встречались не только на работе, но и после – за стенами завода. Взаимоотношения наши с каждым днем крепились. Никто не мог себе позволить оби-

деть рядом находящегося товарища. Аура от нашего общения распространялась и в какой-то мере влияла не только на нас самих, но и на моих коллег – сотрудников термической лаборатории. Они в течение нескольких лет работы Виктора Алексеевича, Елены Михайловны и Марины Сергеевны изменились, но как оказалось после – эти изменения были временными.

Наступил день, когда их работа была успешно закончена. Они простились, и ушли, и после этого положение в лаборатории вдруг резко ухудшилось. Так, наверное, всегда бывает. Я, конечно, тогда об этом не знал и мучился, ведь мне было хуже всех. Лидия Ивановна лютовала. Она не хотела меня признавать и брать в свою технологическую группу. В который раз мне снова помог Анатолий Никитич. Он переговорил с Главным металлургом. После чего нас разделили, разграничив наши обязанности.

Благодаря усилиям начальника лаборатории я стал старшим инженером. Казалось, все шло не плохо. Однако так продолжалось не долго.

Однажды я обратился к Анатолию Никитичу за помощью. Одному мне было работать тяжело. Он, поразмыслив, перевел ко мне сотрудницу из группы Лидии Ивановны. Она, уйдя от нее, сделала плохо не только себе, но и мне. Начались

частые скандалы. Они, меня угнетали. Я был своего рода мальчишкой для битья. Роль не благовидная, может быть и полезная для коллектива, но только не для меня. Я снова стал подумывать о том, как бы мне уйти с завода и заняться какой-нибудь другой работой. Может быть, я и бросил бы свою специальность, ушел бы, но тут мне неожиданно позвонил Виктор Алексеевич:

– Здравствуйте Петр Петрович! Как вы там поживаете? Что нового у вас? Изменилась ли ваша роль на заводе после нашего ухода?

Тут я, конечно, не сдержался. Разговор наш был в одни ворота. Говорил я, причем долго и горячо.

Виктор Алексеевич понял меня сразу же с первых слов, но прерывать не стал, пока я не выговорился. Потом он успокоил меня, вспомнив мое недавнее прошлое – защиту, сказал, что плохие специалисты дипломную работу на отлично не сдают, поэтому бросать мне работу из-за того, что в коллективе не все ладится, не стоит. После он пригласил меня к себе домой, в гости.

Однако в гости я к нему не поехал, но встретится, мы встретились и не где-нибудь, а у него в институте на конференции, куда меня вытащил Анатолий Никитич, за что я

ему был очень благодарен. Увиделся я не только с Виктором Алексеевичем, но и с его сотрудницами: Леной Михайловной и Мариной Сергеевной. Они буквально сияли. Рад встрече был и я.

Девушки щеголяли с кольцами. Однако похвастаться перед ними женитьбой я не мог. На руке у меня был перстень, но совершенно не такой, который носят обрученные люди. Я был холост. И поэтому, несколько поиграв с Леной, пытавшейся рассмотреть на моей руке украшение, сознался, что я еще не женат.

– Ну вот! – сказала нарочито с обидой Елена Михайловна, а потом, склонившись к своей подруге и, пошептавшись с ней, выдала, – а вообще-то не беда. Виктор Алексеевич хочет тебя взять к нам в институт, если, конечно, его переговоры пройдут удачно, тогда мы тебе тут у себя найдем такую невесту – пальчики оближешь.

Я, согласился, и мы расстались. Встреча с друзьями меня несколько успокоила. В большей степени, конечно, новость, случайно высказанная Леной о том, что Виктор Алексеевич мне подыскивает место.

Устроиться в научно-исследовательский институт тогда было не легко и я, старался вести себя так, чтобы при уволь-

нении получить с завода хорошую характеристику. Иначе у Виктора Алексеевича были бы со мной проблемы.

Но, дожидаться места, мне было не суждено. Встретившись как-то раз случайно в метро с товарищем по институту, с которым вместе мы учились, и, рассказав ему о своих проблемах, я неожиданно получил от него приглашение на работу.

Недолго думая, я написал заявление и ушел к нему. Моя жизнь резко изменилась. Положение в коллективе было спокойным. Хотя, конечно, моя роль в нем была не значительной и в полной мере соотносилась с моей низкой должностью инженера технолога. Это я понял уже потом, а пока был рад тому, что мне никто не мешал работать. Однако радость моя длилась не долго, отдавшись работе, я скоро был разочарован в ней, так как инженер на заводе, куда я перешел, полностью зависел от разработок вышестоящего над ним научно-исследовательского института.

Завод был военным и занимался выпуском ответственной продукции. Платили на нем приличные деньги. Вначале, мне казалось, стоило за него держаться, но, проработав на нем несколько лет, я был вынужден признаться себе, что я напрасно поспешил. Лучше бы мне было остаться там, где я работал, и подождать приглашения от Виктора Алексеевича. Наука, это наука, а не производство. Заниматься ею куда

интереснее, чем работать в заводских стенах, тем более таких, где шаг в сторону от предписаний считается нарушением технологии.

Заметив мое уныние, мой товарищ сказал:

– Да, Петр Петрович видно вы исчерпали себя и вам у нас с каждым днем становиться неважно. Так бывает. За границей хороший специалист это тот, который не сидит более пяти лет на одном месте. Сколько вы уже у нас?

– Пять лет! – ответил я.

– Тогда решайтесь! – сказал он. – Нового места я вам сейчас предложить не могу и когда это случиться, не знаю. Я бы сам с удовольствием куда-нибудь перешел, но завод мне бросать не хочется. Я на нем, прежде чем стать начальником цеха, начинал с рабочего. К тому же здесь коллектив хороший. Домой я не прихожу разбитым.

Я тоже домой уходил спокойным. Однако состояние, которое я, испытывал, общаясь в коллективе, чем-то напоминало знакомое мне по службе в армии. Его можно было терпеть, но не долго и как в армии солдат думает о «дембеле» я, впадая в уныние, мечтал об увольнении, ругая себя за опрометчивость. Будь я поумнее, может быть все было иначе. Что

я так уж и постоянен. Да и Лидия Ивановна тоже наверняка бы сломалась, стала другой. Глядишь, мы бы и нашли с ней общий язык.

После не долгих размышлений я решил сходить на завод побывать в термическом цехе, в котором когда-то работал и, конечно же, зайти в отдел Главного металлурга, навестить Анатолия Никитича.

Однако когда я набрал номер телефона лаборатории, то узнал, что он в отделе Главного металлурга уже не работает. Правда, с завода Анатолий Никитич не уволился. Через справочную, которые имеются на многих крупных предприятиях я, получив о нем сведения, созвонился и в скором времени поехал его навестить.

Анатолия Никитича было не узнать. Он, хотя и раньше не был худым, еще больше округлился. По моде шитый серый костюм, если его не застегивать на пуговицы, сидел на нем элегантно. Глядя на него, я бы опроверг поговорку, говорящую о том, что не место красит человека. Его, Анатолия Никитича, место заместителя начальника центральной заводской лаборатории по термической обработке красило и еще как.

Встретил меня Анатолий Никитич у проходной. Извинив-

шись, он по дороге забежал на минуточку в канцелярию за почтой и затем уж повел меня к себе в кабинет. Когда мы вошли в небольшую довольно уютную комнату Анатолий Никитич, показав мне рукой на одно из кресел для посетителей, вальяжно развалился в другом, стоящем рядом, заставив его жалобно заскрипеть.

Немного помолчав, он принялся расспрашивать меня о моей новой работе. Я несколько чувствовал себя неудобно. Мы давно не виделись, и мне было трудно сориентироваться как себя вести. Анатолий Никитич же напротив был оживлен и с удовольствием делился со мной новостями. Он похвалил меня за то, что я не стал тогда держаться за свое место и ушел.

– Я, можно сказать, глядя на тебя, – сказал Анатолий Никитич, – тоже бросил свою должность и, не жалею. Правда, этому предшествовала моя женитьба. Все получилось как-то случайно, но удачно. Женой я доволен. И даже можно сказать счастлив. В скором времени жду пополнения – сына. – И он улыбнулся.

Его слова несколько ободрили меня. Жаловаться, я посчитал делом неудобным. Говорить, я мог только лишь о хорошем. Однако настроение мое не соответствовало настроению Анатолия Никитича и, поэтому я больше держал язык

за зубами, он же не молчал:

– По долгу службы, – продолжал Анатолий Никитич, – я часто бываю в своей бывшей лаборатории. Сам знаешь, ситуация там не из легких. Одна Лидия Ивановна чего стоит. Однако, как ни странно, все стало выправляться. Правда, после того, когда кроме тебя и меня из лаборатории еще уволилось несколько человек. Нину Павловну, помнишь, маленькую круглую женщину с мужским голосом? Ну, ту, что не уступала Лидии Ивановне. Так вот она тоже ушла! – Он помолчал, – если бы я был не металловедом, а астрономом я бы сказал, что началось формирование новой системы.

Не сразу, конечно, по прошествии времени, сравнение коллектива с системой, высказанное Анатолием Никитичем, мне понравилось. Благодаря этому новому понятию, я осознал, те преобразования, которые должны были происходить в лаборатории после ухода из нее неординарных личностей, себя я к ним не причислял, а вот Анатолия Никитича ставил на первое место.

Из небытия, хаоса, коллектив должен был снова возродиться. Правда, не обязательно в новом своем качестве, так как Лидия Ивановна никуда не уходила и продолжала в нем трудиться.

Побывав, у Анатолия Никитича я, конечно, не ушел с завода сразу, а спустился по лестнице в термический цех. Буквально через пять-десять минут мне стало понятно, что делать в нем нечего, так как говорить мог я только о прошлом. Для будущего мой разговор значения не имел. Поэтому я, попрощавшись с бывшими друзьями, снова поднялся на второй этаж, и пошел в термическую лабораторию.

Лидия Ивановна встретила меня настороженно. Возможно, она боялась моего возврата, так как место начальника лаборатории не было занято, да и не только оно. Возможность прийти в лабораторию у меня была. В разговорах с друзьями на их предложение вернуться обратно на завод, я соглашался, однако в душе понимал, что все это нереально. Участвовать в восстановлении той системы, которая была, мне не хотелось. Уверенности в том, что могло получиться какое-то новое образование, не было. Может быть потому, что я был на тот момент еще не женат и боялся подобно Анатолию Никитичу оказаться в роли «петуха».

Наверное, он был прав, когда решил вдруг уйти из отдела. Его слова, когда я сообщил ему о своем намерении побывать в лаборатории, были можно сказать напутствием мне.

– Петр Петрович, извините, что я был слишком разговорчив и невнимателен. Все больше говорил о себе и о себе... –

сказал он, когда я поднялся с кресла, – однако, чувство у меня такое, что вы снова на распутье. Специалист вы толковый, но характер у вас мягкий. Возможно, что вас попытаются взять на мое место. Не торопитесь, сто раз подумайте, прежде чем сделать... – он неожиданно стал серьезным: – Ни шагу назад, ни шагу, запомните.

И я, помня о его предостережении, подобно ему решил образумиться, пока любимая девушка не устала ждать. Скоро и у меня на правой руке появилось золотое кольцо.

Женитьба меня несколько успокоила. Теперь я уже в случае возврата на завод не мог себе гарантировать центральное место в коллективе, которое не так давно занимал Анатолий Никитич. Даже в том случае если бы я и пришел на должность начальника лаборатории.

Семейные дела отвлекли меня, наполнив мою жизнь новыми событиями. Однако ненадолго. Скоро я, снова был вынужден гнать от себя мысли о незначительности своей роли в коллективе, где я работал и о примитивности своих обязанностей, связанных с занимаемой мной должностью.

Звонок Виктора Алексеевича меня несколько подбодрил. Узнав от меня новость о женитьбе, он поздравил с обзаведением семьи, затем сказал, что Елена Михайловна и Мари-

на Сергеевна будут рады это услышать. А в конце разговора попросил меня подыскать специалиста, вдруг у меня кто-нибудь есть на примете. Ему в сектор требовался толковый парень, способный не только ездить в командировки, но и в случае необходимости подменять его.

Я вначале не придавал особого значения его звонку и со временем забыл о нем. Но Виктор Алексеевич был настойчив и позвонил мне вторично. Так как вопросом подбора специалиста я не занимался, то ответил ему просто:

– Не знаю, кого и предложить? Может быть себя?

– А что подумай, – сказал он. – Должность приличная: научный сотрудник. Оклад тоже хорош. Есть перспектива, если, конечно, пойдешь учиться в аспирантуру. Работу ты знаешь. Я тебя возьму.

Вечером, рассказав о предложении Виктора Алексеевича жене, я вдруг решил: была, не была, и ушел с завода.

Освоился я на новом месте довольно быстро. Благодаря мини коллективу, одним из членов которого я был, чувствовать каких-либо неудобств мне не пришлось. Работа меня тоже устраивала.

В том же году, хотя мой стаж в институте и был невелик – всего несколько месяцев, я, оформив необходимые документы, поступил на заочное отделение в аспирантуру. Правда, характеристику при оформлении документов я получил досрочно за будущие заслуги. Конечно, при ее получении были трудности, но мой коллектив буквально весь подписался под ходатайством, срочно по данному поводу, написанному на имя директора института, и успех был предопределен.

На предыдущем месте работы о таком поступке коллектива я и мечтать бы не мог, а тут вдруг все без исключения помогли, даже почти незнакомые мне люди.

Освоившись, благодаря Виктору Алексеевичу с новой работой я окруженный Еленой Михайловной и Мариной Сергеевной довольно быстро утвердился и в своей негласной роли, которую мне приходилось выполнять еще на заводе, но конечно не в лаборатории, а в нашем мини коллективе. Странно, но я, часто бывая неспособным оградить себя от скандалов, научился оберегать от них свой мини коллектив. Конечно, здесь обстановка была здоровой, но, как и в любом обществе жизнь была не без проблем. Поэтому моя негласную роль, сродни должности врача психотерапевта скажу, без преувеличения была востребована. К тому же она была для меня похвальной. Правда, если пациент – член нашего коллектива не был в полной прострации. Тут уж помочь мог

только наш негласный начальник. Я его обнаружил не сразу, разыскивая как-то по работе Виктора Алексеевича. Не найдя его, я хотел уже было обратиться к заведующему отделом Александру Сергеевичу. Однако кто-то посоветовал подойти к Валерию Николаевичу. Он хотя и не был начальником, но во многом оказался мне полезным. Тогда-то я и узнал, что полезным он был не только мне, а и многим членам нашего большого коллектива. А уж в общественных мероприятиях, когда мы помню, очень часто ходили на всевозможные демонстрации, на овощные базы, ездили на уборку урожая в колхозы он, как мне кажется, был главнее начальника отдела. Только после его слов, сказанных им вслед за словами Александра Сергеевича:

– Ладно, ребята, чего стоять? Надо дело делать! – коллектив начинал действовать.

Был у нас не только начальник способный организовать дело, повести за собой людей, но и человек, с помощью которого любые начинания Валерия Николаевича хорошо заканчивались. Это – Беатриса Викторовна, женщина, откачать которой было почти невозможно. Она не раз давала мне поручения, которые я легко и с удовольствием выполнял. Но я не только был исполнителем. Порой, мне приходилось просить о помощи и ее, редко, конечно, на прямую, больше через Валерия Николаевича. Для нее он был авторитет, хотя

она и работала в секторе Виктора Алексеевича. Сплотила их одна общая работа, в которой Валерий Николаевич был руководителем договора.

На эти две очень важные в любом коллективе должности у нас никто не посягал. Заменить их было не легко хотя бы из-за того, что Валерий Николаевич в силу своего характера был добрым бесхитростным пронырой, а Беатриса Викторовна добросовестным исполнителем, способным подключить к делу нужных людей. Роли других членов коллектива были тоже важными, но конечно менее чем их. Тут были как в любой системе все необходимые для функционирования планеты большие, малые, даже свои кометы, не говоря об астероидах и прочих небесных телах.

Например, Елена Михайловна занимала наряду с должностью младшего научного сотрудника и должность оппонента не зависимо от того, какие вопросы решались в коллективе. Ее объемные доходчивые доводы многих наших сотрудников заставляли задуматься, прежде чем начать выполнять ту или иную работу. Некоторые из них потом нуждались в моей успокоительной речи.

Марина Сергеевна та была проще. Но, тем не менее, ее роль также была благодатна. Так как она была способна, отошедшего от моего стола успокоившегося коллегу развесе-

лить своими нескончаемыми прибаутками.

Были в отделе и такие «планеты» от влияния, которых жизнь казалось никчемной. Но с такими людьми я старался не контактировать, ну разве, что ради интереса, шлифуя свою роль врачевателя душ.

Наблюдая, за жизнью отдела, да и не только, но и в полной мере, участвуя в ней, я сто раз убеждался в правоте Анатолия Никитича, рассуждавшем о коллективе, как о какой-то системе. Сформировавшись, он, как система способен на многое. Человек в таком коллективе готов вершить большие дела. Не зря же я, воспрянув, довольно быстро поступил в аспирантуру, без трудностей выбрал себе направление и с удовольствием занялся работой.

Направление мое было перспективным. Я посягал «на святая святых» —хотел заменить масло, используемое при закалке деталей, на негорючую охлаждающую жидкость, позволявшую в будущем значительно улучшить не только экологическую обстановку на машиностроительных заводах, но и поднять качество продукции.

Работу я выполнял самостоятельно, хотя время от времени были у меня и помощники. Я от них не отказывался, однако особо их не нагружал. Кроме проведения исследований,

связанных с разработкой новой закалочной среды, я по возможности участвовал и во многих других работах.

Защита моей диссертации состоялась в то время, когда уже начались изменения, связанные с перестройкой экономики страны. Так как мое направление было актуальным я, хотя и с трудом, но все-таки находил работу и привозил в институт, подписанные договора. Многие из моих коллег были вынуждены уйти из института. Причиной их увольнения было сокращение штатов. К тому времени я стал уже опытным специалистом и имел основание работать самостоятельно. Однако Виктор Алексеевич был для меня авторитетом и с ним я отношений не порывал.

Под сокращение штатов попала и моя хорошая знакомая Марина Сергеевна. Через год вопрос об увольнении встал и перед Еленой Михайловной. Однако она порывать с институтом не желала и поэтому согласилась посидеть дома, оформив заявление на отпуск, без содержания.

Наш коллектив трещал по швам. Однако костяк его все же сохранялся. Валерий Николаевич, Беатриса Викторовна, Виктор Алексеевич были на месте. Мы, как нам не было трудно, старались держаться друг за друга. Даже с уволившимися поддерживали связи: звонили им, приглашали их к себе в гости на праздники, интересовались их судьбой, на-

вещали их, всячески как могли, помогали, если была в том необходимость.

Жизнь стала совсем другой для многих непонятной, требующей разъяснения. И главное, что мы делали – это держались друг за друга.

Потеря коллектива для многих моих коллег была губительной.

Как-то однажды посетив нас, Марина Сергеевна, не сдержавшись в доверительной беседе, рассказала мне о том, что устроилась на новом месте не очень хорошо. В колледже, где она работала после ухода из института преподавателем, у нее постоянно возникали стычки с новыми коллегами из-за дедежа часов. Прощаясь, она махнула мне рукой:

– Держись Петр Петрович! Сейчас трудно, зарплата сам знаешь, многое значит, но не спеши уходить, лишний раз подумай. Посмотри, вокруг себя, где ты найдешь еще таких верных для себя друзей. Любой из них и Виктор Алексеевич, и Валерий Николаевич, и Беатриса Викторовна, всех перечислять не буду – готов прийти на помощь. А мне кто может помочь там у нас? Никто. Я постоянно испытываю на себе давление своих новых коллег, чего не было в институте. У вас я просто отдыхаю.

Ее слова заставили меня задуматься. Может быть, благодаря ей, я, когда в институте было тяжелое положение: нам долгое время не платили зарплату, удержался и не ушел. Правда, помог мне тогда Виктор Алексеевич. Ему в то время кто-то из знакомых предложил временно поработать на заводе в термическом цехе. Так как мой начальник не мог все время отдавать работе на стороне, он договорился со мной. Установив очередность, мы с ним не один месяц совмещали научную работу с работой рабочего термиста. В будущем, когда из нашей лаборатории ушло много рабочих, наш опыт пригодился.

Всего мне о себе тогда Марина Сергеевна не рассказала. Ее дополнила Елена Михайловна, когда я по просьбе Беатрисы Викторовны позвонил ей домой, чтобы узнать у нее, что ей помешало прийти навстречу к нам согласно состоявшейся ранее договоренности.

Извинившись, и сославшись на то, что ей в тот день нездоровилось, Елена стала расспрашивать у меня о жизни в отделе. Не забыла она поинтересоваться и о бывших сотрудниках, приходивших к нам в гости. Узнав, что я видел Марину, она, не удержавшись, поведала мне о том, что у нее не все в порядке в семье. Из-за сложностей на новой работе и скандалов, ее характер до неузнаваемости изменился. Она

замкнулась в себе. Ее новое состояние, так подействовало на мужа, что он от нее ушел.

– Еще бы не уйти, – кричала в трубку Елена Михайловна; слышимость была плохой. – Он, возвращаясь с работы постоянно издерганным, искал успокоения в семье, а его не было. Это раньше Марина, когда работала в институте, была весела и могла своими прибаутками как-то скрасить ему жизнь. Но то время прошло.

Теперь я понимал, что, переходя с места на место, я невольно стремился не только найти для себя интересную работу, но и коллектив, свою систему, в которой мог бы чувствовать себя комфортно. Вначале влившись в нее, в качестве ничего не значащего астероида, я со временем приобрел ощутимый вес, стал планетой. Мое благополучие не только на работе, но и дома в семье во многом обязано было благополучию в коллективе.

Мои размышления еще больше укрепились, когда я узнал вдруг о проблемах самой Елены Михайловны. Она без стеснения говорила о Марине Сергеевне, стараясь молчать о себе.

Но как-то раз, появившись у нас в гостях, Елена Михайловна, не сдержавшись, со слезами на глазах, поведала о том,

во что было трудно поверить. Оказалось, что у нее такое же положение, как и у ее подруги. И даже более серьезное, так как она из года в год продлевая свой отпуск без содержания, из-за боязни, в какой-то момент быть уволенной с института, решила на рождение второго ребенка. Иметь в наше время маленького ребенка на руках и воспитывать его без мужа сравнимо с подвигом, на такое могла решиться не каждая женщина.

Я долго размышлял о причине такого поворота в жизни. Моя роль, выполняемая в коллективе, благостно действовала не только на моих коллег, но и на мою жену. Она работала учительницей в школе и часто приходила домой взвинченной.

– Ты мой терапевт, – говорила она мне, чтобы я без тебя делала.

Елена Михайловна, как известно, выполняла роль оппонента. Возможно, в институте в большом коллективе ее миссия была и полезна, а вот дома, если она, не наговорив определенный «километраж» встречала вечером с работы мужа – вряд ли. Наверняка, причина его ухода была связана не с женщиной, все гораздо серьезнее.

Однажды я, не утерпел, и чтобы лучше понять положение,

сложившиеся в семье Елены Михайловны обратился Беатрисе Викторовне. Зная о ее роли в институте, я стал расспрашивать у нее о том, что она делает дома. И каково было мое удивление, когда я услышал, что Беатриса Викторовна в кругу семьи – всего на всего хорошая домохозяйка. Выходит, она устает от своей деятельности на работе и дома сама согласна подчиняться кому угодно мужу, сыновьям, своей матери. Теперь мне было понятно, почему у нее в праздничные дни вовремя организации стола наряду с указаниями кому, что делать довольно неплохо получались салаты.

После рождения сына Елена Михайловна уже не могла к нам часто приходиться. И мы, сбросившись, кто, сколько мог дать, в это трудное время денег, ехали на рынок. Там покупали необходимые подарки и затем отправлялись уже к ней в гости.

Наиболее понятным положение нашей сотрудницы стало нам тогда, когда мы: Виктор Алексеевич, Беатриса Викторовна и я, встретились с ее мужем, Александром Георгиевичем, высоким красивым шатеном. Он появился, когда мы уже собирались уходить. Задерживаться он не хотел, вручив Елене Михайловне деньги, по нашим понятиям достаточно солидную сумму Александр Георгиевич вместе с нами вышел на улицу.

По дороге к остановке мы разговорились. Александр Георгиевич раньше работал на заводе, уволившись благодаря своей знакомой, которую Елена Михайловна считала его любовницей, нашел приличное место в авторемонтной фирме. Многие из слов когда-то с плачем выброшенных на нас Еленой Михайловной странным образом переплетаясь с действительностью, оказались просто чепухой.

Александр Георгиевич, покинув Елену Михайловну жил в доме своих родителей. Там он отдыхал душой. Постоянные с ее стороны нотации его просто доставали. Вначале он старался ее как-то урезонить, затем было время – не реагировать, но Елена Михайловна не унималась и вела себя все хуже и хуже. Ей казалось, что муж ее не понимает. Однажды она, когда Александр Георгиевич совсем перестал с ней разговаривать, свихнулась и ударила его попавшейся под руку сковородкой. После случившегося эксцесса, он ушел.

– Теперь, – сказал Александр Георгиевич, – она сама с собой разговаривает. Дочь нашу вы видели, она уже большая, та не выдерживает и уходит из дома. Сын тот не понимает – еще мал. Вот весь день она и ходит с метлой и все говорит и говорит. А толку от этого, никакого. Только хуже и ей и мне – всей семье.

Мне, да и не только мне было жалко Елену Михайловну.

Ее нужно было спасать. Она просто могла сойти с ума.

Для меня это все было непосильным трудом. Одно дело успокоить кого-нибудь на работе, проявив свои, когда-то замеченные друзьями на заводе способности, другое – помочь разрушенной семье.

Однажды мы все пили наш трехчасовой чай, и Валерий Николаевич вдруг сказал:

– Как хорошо было раньше лет десять назад.

– Да! – ответил ему Виктор Алексеевич, – только нас было не раз, два и обчелся, а значительно больше и он принялся перечислять, называя давно ушедших наших товарищей.

Этот трехчасовой чай натолкнул меня на мысль, а что если Елене Михайловне после декретного отпуска по уходу за ребенком снова вернуться на работу. Кто знает, может быть «лед тронется» и ее положение измениться. Пусть она снова у нас будет оппонентом. Хотя нас и мало, но мы так закалились за это трудное время, что выдержим ради спасения нашего товарища что угодно.

Прошло несколько лет. Не знаю, как нам удалось Елену Михайловну вытащить на работу. Зарплаты наши были ми-

зерными. Условия труда постоянно нарушались. Наукой мы почти не занимались. Однако держались, используя свои старые научные разработки, и не плохо сохранившееся оборудование – занимались термической обработкой деталей. Рядом с нами была и наш оппонент. Она медленно, но все-таки входила в свою прежнюю роль.

Как-то глядя на Елену Михайловну, я сказал Виктору Алексеевичу:

– Вот бы сейчас к нам Марину Сергеевну. Она бы подняла бы нам настроение.

– А что, – ответил он, – давай позвоним. Еще один человек нам не помешает. Рабочих не хватает. Только не знаю, согласится она, нужно не только разрабатывать технологию, но и заниматься тяжелой работой.

Марина Сергеевна согласилась. Через месяц Елену Михайловну было не узнать.

Однажды я вместе с ней шел со смены домой. Мы разговорились.

– Петр Петрович, как ты думаешь, почему я снова в этих стенах?

Ты, наверное, считаешь, что я поддаюсь вашему коллективному нажиму? Нет! Хотя я согласна, что ты правильно мне советовал отдать сына в детский сад и выйти на работу. – Я попытался ответить ей, но она, перебив меня, продолжила, – Все, что ты не скажешь, будет не верным. Меня убедила вернуться цыганка.

– Как цыганка? – воскликнул я, – не может быть.

– А вот может! Было это зимой. Я, оставив сына с дочерью, побежала в магазин. Дома хоть шаром покати. Нужно было купить хотя бы молока сыну. Метель била прямо в глаза. Я шла почти в слепую, закрывшись от непогоды платком, и вдруг почувствовала, что с кем-то столкнулась. Когда, открыв платок, взглянула, увидела женщину с черными, как смоль глазами.

– Как у тебя? – спросил я.

– Да, как у меня! Ты, сказала она мне, уже ничего не видишь. Вернись назад и начни сначала. Тобой черт крутит. Не поддавайся ему. И сгнула. Я тогда долго стояла. Чуть было не замерзла. Какой-то мужчина, проходивший мимо задел меня плечом, я, очнувшись, пошла в магазин. Вернувшись, домой я, часто думала о той встрече. Да и сейчас нет-нет и

вспоминаю. Моя мать ведь была цыганкой. Уж не она ли тогда, вернувшись с того света, спасла меня.

Я задумался, может Елена Михайловна и права. Не умоляя нашу роль, в оказании ей помощи, она поведала мне такое, во что трудно было поверить и можно лишь списать на ее помутившийся в то время разум. Однако слова цыганки мне казались очень уж естественными. Сейчас в наше тяжелое время черт многими судьбами крутит. Люди просто обезумели в достижении любыми путями богатства. Несмотря ни на что, они готовы хитрить, обманывать, предавать не чужих, близких себе людей и даже убивать.

Хорошо, что жизнь у Елены Михайловны стала выравниваться. Муж, Александр Георгиевич теперь ее уже не сторожил и все чаще приходит навещать своего сына. Пройдет время, и они снова будут вместе. Может и у Марины Сергеевны жизнь тоже наладиться. Все покажет время. Дай то Бог.

Москва, 2000г.

Прости меня Сережа

Ивану не было скучно. У него были: мать, отец, а еще старший брат Анатолий, пытавшийся им верховодить. И верховодил бы, если в большом селе Щурово на их улице, одним концом упиравшейся в лес, а другим в кладбище, в доме напротив не проживал с матерью друг Сергей — сын вдовы Луканихи. Хотя парень рос без отца, но этот факт никак не мешал их отношениям. Иван не раз пускал в ход кулаки — защищал Сергея, от ребят, дразнивших его безотцовщиной. Иван и Сергей всегда находились рядом. Их было не разлить водой, разлучила Нина, — обычная девочка, девушка, затем женщина — ровесница парней, и соединила их. Правда, по прошествии многих лет.

Нина была единственным и поздним ребенком в семье старых Домахиных. Она жила рядом с Сергеем в добротном каменном доме. Этот дом нельзя было сравнить с хатой, в которой ютился друг Ивана с матерью. Однако Сергей в отличие от него имел возможность, летом, помогая матери в огороде, как-бы случайно, невзначай встречаться с девушкой. Завидев ее на грядках с тяпкой, он, резво размахивая над головой рукой, с задором кричал:

— Привет Нина!

— Мы же с тобой уже виделись, — отвечала, улыбаясь, девушка: — Ты что уже забыл?

Сергей не терялся:

— Ну и что, все равно — «Привет!».

— Привет Сергей! — в который раз отвечала Нина и спрашивала: — Сегодня на речку пойдём?.. — А то вон солнце как печет, нет сил...

— Пойдем! — расплываясь в улыбке соглашался Сергей, а затем вдруг нахмурился, пряча от девушки лицо: он знал, что ему необходимо будет пускаться за Иваном, но пригласить и Ивана. А Иван не откажется, он всегда был не прочь поболтать с Ниной. Она ему тоже нравилась. Заигрывания Ивана с девушкой были Сергею неприятны и мучили парня. Но что он мог поделать, Иван был его другом. Они всегда были вместе. Даже в школе: сидели за одной партой.

Нина была видной девушкой. Ростом чуть выше среднего. Могла ходить в любой обуви, а в туфлях на шпильках в клубе смотрелась просто шик. Она была не толстой и не худой, с высокой грудью, узкой талией и крутыми бедрами. Лицо у Нины было светлое с черными глазами, аккуратным носиком и слегка надутыми розовыми губками. За ней ребята бегали табуном. Сергею просто привалило счастье: он ей первым приглянулся. Он, а никто другой — не Иван.

Иван часто и подолгу смотрел на Нину. Однако зря время терял, хотя и старался, что только не делал, чтобы завладеть вниманием девушки. Конфеты дарил, одеколон, разные там косыночки, однажды даже преподнес цветы. Цветов в селе было навалом. Они росли в каждом палисаднике, но Иван

не стал размениваться, съездил в район и купил на рынке. Правда, они ничем не отличались от своих, — одно что были упакованы в пленку. Что обидно? Нина этот его поступок не отметила. Иван недоумевал, не мог понять, чем ей понравился Сергей? Ну, что у него такого видного? Усы! И всего лишь. Так пробовал однажды эти самые усы отпускать и Иван. Только толка никакого. Обидно. Он, Сергей и ростом был, ну чуть выше Нины, ну никак не Ивана. Иван мог на него смотреть с высока, мог даже за пояс заткнуть и заткнул бы если знал, что это ему помогло бы. Но нет не помогло бы. Нина сохла по Сергею и для того, чтобы встретиться с ним, как бы случайно, бегала в огород особенно часто незадолго до их женитьбы. Все знали о предстоящей свадьбе, все кроме Ивана. Он не верил до самого последнего дня. Иван даже ездил с ними в районный городок. Там Нина и Сергей в универмаге выбирали себе кольца. Правда в этот самый момент Иван отсутствовал. Он устраивал свои дела в военкомате. Перед тем как отправиться домой в Щурово Сергей, Нина и Иван встретились на центральной площади городка, прогулялись в парке, покатались в лодке на пруду и уже после неторопливо: было время, — отправились на автовокзал. Добравшись до вокзала, Иван вдруг не удержался и выкрикнул:

— Ребята, есть предложение! Пошли на «железку» — это рядом. Мне говорили, что там недавно через железную дорогу соорудили высоченный пешеходный мост, заберемся по-

смотрим на городок с высоты птичьего полета. Интересно!

Этот мост был построен неизвестно для чего. Поезда ходили очень редко и народ по назначению им почти не пользовался. По вечерам на нем ребята устраивали всевозможные гулянки — танцевали вначале под баян, а затем, разбогатев, под магнитофон.

Иван, Сергей и Нина пошли. Однако, подойдя к мосту Сергей, подняв голову, вдруг остановился, сославшись на то, что еще не куплены билеты домой, неожиданно выдал:

— Я сейчас, — и побежал на автовокзал. Иван остался с Ниной наедине. Он не стал расстраиваться, бесцеремонно подхватив девушку под руку торопливо увлек ее по ступеням вверх. На мосту девушка, бросив взгляд вниз, ахнула и пожалела, что не пошла вместе со своим женихом за билетами. Однако уже было поздно.

Иван тут же понял причину ее страхов:

— Ты не смотри вниз, не смотри, — прошептал парень: — Смотри вдаль. Вдаль. Я тебе помогу, сойти. — и, обняв Нину за талию, развернул, затем они двинулись назад, к лестнице. Она почувствовала его нежные руки и отчего-то задрожала. Этот момент Иван запомнил на всю жизнь. В голове у него тут же мелькнула мысль: не все еще потеряно, не все.

Сергей с Ниной поженились быстро. Правда, Сергей успел окончить свое училище — сельскохозяйственное по специальности: «ветеринар», — в него почти никто из местных ребят и девчонок не шел — и отслужить в армии. Если бы Нина

не торопилась Иван завлек бы ее в свои сети. Он это почувствовал там, на мосту. Что еще? Иван кроме прочего был, как ни как учительский сынок, учился в Москве — в институте, — в армию не был призван: учебное заведение имело военную кафедру. Нине бы немного подождать. Два года всего. Иван, получив специальность инженера-электрика работал бы сейчас в совхозе главным энергетиком. Он и работал главным энергетиком — после, но не у себя в селе. А что поделаешь? Парень просто был вынужден жениться на городской — москвичке. Правда, это случилось после того, когда Нина вышла замуж за Сергея. Иван сильно тогда расстроился, однажды в сердцах не удержался и кому-то сказал: «За кого вышла?» и ответил: «За колхозника». Не помогло Ивану даже то, что он довольно часто приезжал в село — крутился рядом возле Нины, возможно, этого было недостаточно — он ведь приезжал на «красные дни» — выходные, ну и на каникулы, и всего лишь.

Свадьба была что надо. Отец Нины, Ефим Петрович зарезал здорового кабана и не пожалел — почти всего отдал на праздничный стол. Водки накупил. Нагнал в бане самогона. Пригласил на торжество пол села. Дочка, как ни как одна-единственная. Оно и понятно. Сергей жил один с матерью. Достатка в семье особого не имел. Правда, в восьмидесятые годы им жилось полегче, но не шиковали и такое мероприятие, как свадьба Луканиха — мать парня, не потянула бы. Это какие деньжищи нужно было иметь? — она не имела,

иначе бы сына отправила учиться в город, в институт. Ну, на худой конец, в техникум, а не в свое сельскохозяйственное училище. Парень в школе не отставал от Ивана — учился на «отлично». Но, мечты хорошей не имел — отчего бы ему идти в ветеринары, выбрал бы достойную специальность. Так думал Иван. Он в отличие от друга желал стать танкистом, рвался в радиотехническое училище. Однако у него тоже не получилось: лишь только он открыл рот, как медики из военной комиссии, взглянув на прикус тут же парня забраковали и тот нехотя отправился по стопам своего брата Анатолия — в сельскохозяйственный институт. Правда, старший брат, прежде не один час потратил с ним на беседы:

— Ты, что дурак? Во-о-о, — стучал пальцем по голове Анатолий: — Тоже мне радист в танке! Двадцать пять лет в армии. Зачем тебе это нужно. Инженер-электрик тоже неплохо. Запомни, заруби себе на носу: сельские парни по сравнению с городскими не котируются, пойми это дурья башка!

— А как же..., — пытался Иван вставить слово, — Петр с Сибировки он же поступил в литературный институт, правда не сразу, но своего добился.

— То, он — а это ты, не путай.

Слова брата были убедительными, и Иван решил не рисковать. Тот, можно сказать, проторил ему дорогу: заканчивал институт, учился неплохо и для Ивана это давало баллы. Хотя он с удовольствием в мыслях видел себя на танке, ви-

дел как их колонна проезжает по улице родного села, рядом с домом Нины, а она, выбежав за калитку, прищурился глаза, всматриваясь в лица солдат, выискивает его одного, а затем, отыскав, вдруг бросает большой букет сирени.

Шумно было на свадьбе. Сергей не пил, лишь только слегка пригубил из бокала шампанское, отчего бы ему падать, но вот упал, когда отправился с Ниной танцевать в другую комнату, споткнулся о порожек. Конечно, он тут же быстро подхватился, отряхнулся и положенный вальс с молодой женой оттанцевал как следует.

Этот казус, произошедший с другом Ивана, для гостей остался незамеченным, но не для Сафронича, — он тоже был на этом торжестве — странно, что его пригласили — колдун, он и есть колдун, — однако, блеснув глазами, старик, показав головой, буркнул себе под нос:

— Не к добру это, не к добру...

Многие тогда перепились и Сафронича почти никто не услышал. Лишь только Иван, хотя и был пьян. Напился от отчаянья, из-за того, что Нина его не выбрала в мужа, а Сергея. Парень, отправившись за полночь домой — дом стоял почти напротив, не раз падал и поднимался, отчего-то даже забрел на кладбище, но ничего плохого ведь с ним не случилось, и он знал, что не случится.

Молодым, Ефим Петрович — отец Нины купил деревянный дом, крытый черепицей на три окна с просторной залой. Дом не новый, но крепкий, жить можно. Однако они в нем

долго не жили. Родители Нины, дождавшись внуков умерли, то есть отправились друг за другом в мир иной, молодая семья тут же перебралась в отчий дом Нины. Иван бывал у них в гостях в деревянном доме и с завистью поглядывал на Нину, представляя себя на месте Сергея. Он далеко не заходил в своих фантазиях — только обнимал, мял женщину и все. Больше ни-ни. Сергей как ни как был ему другом. Бывал и после их переезда в дом напротив.

Однажды, по просьбе старшего брата, Иван отправился проведать старенькую мать и отца, не удержался, зашел в гости к Сергею и Нине. Друга дома не оказалось. Это его обрадовало: была возможность побыть с женщиной наедине.

На вопрос: «Где Сергей?» Нина ответила:

— Не подошел еще: У Хорошенькой — бабки, кастрирует поросенка.

Иван, глядя за быстрыми руками Нины — она разделявала качан капусты для шей, не удержался спросил:

— Нин, а тебе всегда только лишь один Сергей нравился? Ты его одного любила, или еще кто-то для тебя был интересен? Ну вот, к примеру я? Что ты обо мне скажешь? Неужели... — Женщина неожиданно покраснела вся, а затем, приподняв черные глаза и, уставившись на Ивана, ответила:

— Ты уехал из села, и я поняла, что без тебя нам плохо. Был бы рядом, и я бы себя намного лучше чувствовала — комфортнее что ли. Ты и Сергей — неотделимы. Вы еще в детстве срослись вместе, так и остались. Он только и говорит

о тебе, вспоминает... Ты — в Москве сейчас. — Она на миг замолчала, затем, подняв на Ивана глаза грустно закончила: — Это не рядом.

Иван тогда с трудом уехал к себе в Москву. Ему после теплых слов Нины уже не нужна была жена Ирина, и то, что раньше в ней нравилось — она, испугавшись в детстве собачки, не выговаривала некоторые слова, шепелявила — стало досаждать и выводить из себя. И не только это выводило из себя Ивана, но и необходимость жить с матерью Ирины, с ее незамужней сестрой похожей своим поведением не на девушку, а на парня. Иван ни раз спорил с ней и наживал себе врага в лице жены. Шло время, Ирина не беременела. Иван недоумевал отчего и отправлял жену к врачу. Однажды после одного из таких походов он не удержался и наругал Ирине:

— Вон у моего друга жена Нина уже родила и дочку, и сына, скоро того гляди еще кого-нибудь ему преподнесет, а ты..., простого бабьего дела не можешь сделать — родить. Я что зря ночами мучаюсь....

— А ты не мучайся, — вдруг резко выкрикнула Ирина, — не мучайся, если тебе это стало в тягость, — и, хлопнув дверью, ушла в комнату матери.

— Тфу ты, — сказал в сердцах Иван и после этого разговора стал подозревать Ирину во всех смертных грехах и не верить, что она его любит, его одного и никого больше. Нина стала все чаще рисоваться в его в воображении и что плохо:

если раньше он не позволял себе заходить далеко, то на этот раз шаловливые ручки нет-нет и забирались в неположенные места.

Работа у Ивана была нервной — он трудился далеко за кольцевой дорогой в Подмосковном колхозе и ему приходилось, чтобы успеть к началу трудового дня вставать чуть свет. Домой он возвращался поздно. Иногда за полночь. Это если оставался и вместе с главным инженером, а порой, и директором расслаблялся, оканчивая свой трудовой день распитием бутылки водки. Водка не только несла успокоение, но и поднимала Ивана — в мыслях выше Сергея — друга. У него на душе становилось легче. Позднее возвращение Ивана подшофе, вызывало у жены раздражение и она, порой не удержавшись, устраивала мужу разнос. К этому разносу могла подключиться мать жены. Иван, разобидевшись неожиданно цеплял сестру Ирины и уж тогда разгорался такой «пожар» — ни за что не потушить.

— Да разве я один такой? — выговаривал вечером на кухне Иван, своей жене. — Директор, представляешь сам директор и то не дурак выпить. Мне до него далеко. Он может влить в себя целую литру, вот так!

— Да не гонись ты за директором. Да и на кой он мне. Для меня важен ты. Ты и никто более. Пойми это.

Такие слова жены успокаивали Ивана, и он давал себе зарок забросить поздние попойки.

Ирина работала в Мосэнерго — фирме солидной и денеж-

ной. Она устояла даже в годы перестройки. А вот колхоз, где трудился Иван развалился. Директор, тот который пил иногда, временами, нашел возможность, и за спиной у большого коллектива, подвел предприятие к банкротству, а затем распродал земли. Он даже друзей своих обманул, обманул главного инженера и конечно же Ивана. Досталось от «жирного пирога» не многим — ему и главному бухгалтеру. «Жук» был еще тот, трудно было обойти. Ивана тогда выгнали. Жена Ирина выгнала его несколько позже. Но прежде не один год надеялась, что урок, преподанный директором, послужит ему на пользу. Но нет. Не послужил. Муж упал духом. Словно в башню танка, в котором он находился, ударило снарядом — контузило на всю голову и мужик, утратив ориентиры, готов был, лязгая гусеницами, вечно блуждать в тумане между домом и винным магазином. И блуждал бы, если не телефонный звонок старшего брата. Анатолий, заканчивая разговор о поездке в село — на родину, не удержался, передал привет от Нины. Этого было достаточно. На слова Ирины: «Да пошел ты...» — Иван собрался и укатил под бок к матери. Она на то время жила одна-одинешенька, — глава семьи умер, не выдержал развала страны. Старой женщине было тяжело: еле сводила концы с концами. Брат Ивана не в полной мере исполнял сыновий долг — находился с семьей за двести километров, в областном городе и помогать матери был не в состоянии, а еще ощущал пустоту в карманах, при том, детей кормить нужно было. Уж как он был рад слу-

чившемуся, не описать. Неожиданный переезд Ивана в село позволял ему реже навещать мать.

Иван приехал домой рано утром и в тот же день не выдержав, побежал к своему товарищу Сергею и его жене Нине. Переходя улицу, он неожиданно столкнулся с Сафроничем. Старик отчего-то остановился и дал Ивану дорогу, а сам уже только после него торопливо засеменял ногами. Иван не удержался и посмотрел старику вслед при этом подумал: «Странно все это. Странно».

Сергея дома не оказалось. Это несколько удивило Ивана. Он чуть было не присвистнул, но вовремя удержался.

— Нин, а где же муженек ненаглядный, или же ты с ним уже не живешь? Так я быстро переберусь к тебе. Мне это раз плюнуть! — выдал тут же на пороге Иван и заулыбался во весь рот.

— Сергей? — переспросила Нина, — а он на заработках в Москве — у тебя там. У нас дети. Их нужно кормить, одевать. А здесь в Щурово, ты знаешь, работы нет. Совхоз обанкротился: коровы были распроданы. Да и у людей сараи пусты — не кому мычать. Так что даже подработки не стало. Маслозавод был остановлен — не работает. Кирпичный — не работает. Аэродром закрыт — поля не засеваются и поливать их удобрениями сверху нет необходимости. Земля, понимаешь, сейчас никому уже не нужна. Это не там у вас в Москве. Да и зачем сеять? Все есть в магазинах. Из-за рубежа привозят. А вот денег нет. Раньше денег было навалом.

Словом, мы из одной крайности да в другую...

— Так значит он за деньгами поехал. Так-так... — тихо сказал Иван. — Ну что же дело неплохое. Ладно, я пойду, — и Иван отправился домой к матери.

Дома у матери он не был пьющим человеком. Это все знали. Он был мальчиком, юношей, а заросшим щетиной мужиком, валяющемся на обочине дороги — никогда. Иван приехал и принялся помогать матери. Прежде он поправил дом: кое-где подбил доски на фронтоне, покрасил крышу, фундамент раствором потянул. Затем занялся ремонтом забора. И уже после принялся наводить порядок на огороде.

Нина, направляясь в центр села в магазин или же возвращаясь из него не раз заглядывалась на Ивана как он исправно работал в усадьбе и завидовала. Ей приходилось все делать самой — дети еще были малы, а муж пропадал на заработках. Дома он был наездами. На обниматься и то не успевали, вдруг ни с того ни сего: «Так жена, собирай мне сумку, уезжаю я», — скажет и уедет. И снова его жди, беспокойся о нем, переживай как он там в Москве?

Однажды Нина не стерпела и пригласила Ивана посмотреть розетки, выключатели. Что-то ей показалось что они искрят. Того и смотри в доме случиться пожар. А у нее дети. Иван посмотрел. Это было по его части. Молодая женщина нарадоваться не могла. Сергею до него было далеко. Иван для удобства даже ей лампочку дополнительную поставил на кухне прямо над рабочим столом и так ловко что просто за-

гляденье. А Нина не поскупилась на улыбки. Иван ушел довольный.

Как-то это самое довольство на лице у Ивана заметила соседка и Нина, ну чтобы не злить мужа, по приезду его из Москвы торопливо рассказала о друге. Не все, но рассказала. Не могла же она сообщить ему о том, что Иван случайно ее прижал, протискиваясь между стеной и платяным шкафом, не могла. Да этого и не следовало делать. Главное то, что Сергей соседку после этого слушать не стал, хотя та не один раз открывала рот и заговаривала с ним. Он верил своей Нине, верил.

Не один год Сергей ездил на заработки в Москву. А все благодаря одному знакомому. Он пристроил его охранником в школу. Вначале вместо себя, так как серьезно и надолго заболел — обострилась язва, а после выхода из больницы на место вдруг уволившегося товарища.

Первое время Сергей переживал, ему было не удобно брать деньги за работу. Он знал (одна из учительниц рассказала), что государство платит копейки за эту работу и что желающих нет и никогда не было, а чтобы появились (после терактов стало страшно) дополнительно собирают с родителей школьников, и не только на оплату охранников, но и уборщиц. То есть эти его деньги из поборов — грязные. А грязные оттого, что наше могучее государство нищее. А еще учительница сказала, что зарплата охранников не должна быть выше зарплаты преподавательского состава. Чтобы

учителя не чувствовали себя ущемленными, а если чувствуют, то для них ученики становятся дуралеями и тупицами которых учить не следует, так как толка от них нет и быть не может.

Товарищ Ивана ругал себя, но деньги брал. Брал месяц, два, а через год он уже считал, что права та учительница: ученики и, правда, тупицы, и дуралеи. Носятся по коридорам как угорелые. Такие учиться не должны. От них никакого толка. Зачем они стране?

Деньги Сергей не транжирил, берег, не то, что его напарники. Они порой даже до дома их не могли довести — часть пропивали в пути, другую часть теряли — вытаскивали из кармана девицы легкого поведения или же вдруг, неожиданно объявившиеся приятели. Сергей знал деньгам цену — собирал на машину. И скоро купил себе «Жигуленок». А вот ездить на нем ему было некогда. Со временем он записал в страховку своего лучшего друга Ивана: нужно было возить огурцы на продажу в районный городишко. Жена Сергея занималась выращиванием овощей на огороде. И успешно — на автобусе не на возишься. А на машине в самый раз — удобно. Иван и свои мешки возил. Становился на рынке рядом возле Нины и торговал. Детей Нина оставляла на соседку. А то и на мать друга Ивана.

Ни раз Иван замечал, как Нина торопится отправить Сергея в Москву. Отправить и на время забыть о нем. Там в Москве он стал совершенно другим человеком. Она это за-

метила по его отношению к детям, не чужим детям — своим. Они для него подобно школьникам, мельтешащим перед глазами, на работе в далеком городе, тоже отчего-то стали тупицами и дуралеями.

— Жадный ты, — однажды ему сказал Иван. — Жадный. А после посадил Нину, детей Сергея: — Надю и Витю в машину друга и отправился в районный городишко, там на свои деньги накормил их мороженым.

Нина поехала с Иваном в угоду детям и на зло мужу. Она не отталкивала руку своего воздыхателя, когда тот вел ее по городку бережно держа за талию. При этом Иван порой будто случайно, нет-нет и позволял себе коснуться ее округлых бедер. После чего долго пытался унять дрожь во всем своем теле.

А дома их ждал Сергей. Он не находил себе места: метался по двору и едва, слышав шум мотора, выскочил на улицу:

— Вот что, постав машину на место и больше не трогай, понял, — сказал он Ивану, как только тот, вылез из нее. От такой наглости Иван опешил. Однако быстро пришел в себя и, оттолкнув Сергея, побежал открывать двери Нине и детям и только после все высказал:

— Я поставлю и не буду брать, но ты тогда забрось свою работу сторожем в Москве и занимайся огурцами, сам их вози, а не поручай Нине. Она не должна за тебя таскать мешки на себе, хотя бы потому, что женщина. Вот так!

На следующий день Сергей вдруг неожиданно засобирал-

ся в Москву, на работу. Нина не удержалась и сообщила Ивану: «Ему был звонок», правда, после отъезда друга, когда они возвращались с автобусной остановки домой. Иван тоже провожал Сергея. Рядом с ними были дети Надя и Витя.

Забравшись в автобус, Сергей из окна сказал товарищу, что машиной он пусть пользуется.

В тот день на остановке неожиданно, вдруг оказался и Сафронич: он возвращался с базара и тащил холщовую сумку, набитую продуктами. Проходя мимо автобуса, старик остановился, — в это время Нина разговаривала с мужем, — взглянув на них тяжело вздохнул, и сказал:

— Сергей, не вздумай уезжать, не вернешься, запомни мои слова! — и, поменяв руку, потащил свою ношу домой.

Нина опешила. Она не знала, что и делать. Дети тут же заплакали. Сергей было дернулся, поднялся с сидения и поторопился на выход, но на полпути неожиданно остановился.

— Ну мужик, ты что застыл, я ждать не буду, сейчас отъезжаю, — выкрикнул шофер. — Минута тебе на размышление, не больше. — Сергей переступил с ноги на ногу и, махнув рукой, возвратился на место:

— Ерунда все это, обойдется. Я же должен подменить товарища, помочь ему. Сын у него жениться! Такое не часто случается.

— А может... — было дернулась вслед Нина.

— Нет-нет, я поеду и точка! — крикнул из отъезжающего автобуса Сергей и уехал. Иван, взяв детей за руки, напра-

вился в сторону дома. Нина постояла немного на опустевшем «пяточке» и пошла за ними. Шли молча. А у дома Иван, прежде чем расстаться с Ниной и с ее детьми попытался как мог успокоить женщину:

— Да не переживай ты так. Еще ведь ничего не случилось. А может и не случится. Нужно верить в хорошее. Мало что там Сафронич сказал. Успокойся, — и обнял женщину. Она мелко-мелко задрожала. Иван не хотел ее отпускать. Она так была близка ему. Он ощущал ее всю. — Успокойся! — снова попросил Нину Иван: — До завтра, — и с трудом оторвавшись от женщины побрел домой. Затем вдруг остановился. Нина стояла и смотрела на него. Иван рванулся к ней, а она к нему. Они обнялись и долго стояли, обнявшись среди улицы.

Потянулись часы ожидания. Ночь Нина спала плохо. Иван тоже был не в себе. Он не раз задавал себе вопрос: «А я что-бы сделал на месте Сергея — отказался бы от поездки или же нет?». А утром позвонил Сергей и сообщил, что добрался нормально и уже приступил к работе.

— Ну, слава тебе Господи! — сказала Нина и тут же побежала к Ивану чтобы поделиться с ним новостью.

— Ну, вот видишь. Сафронич, конечно, сказал, предупредил, но, если Сергей будет себя аккуратно вести ничего такого и не случится, поверь мне. Не-слу-чит-ся, — сказал по слогам Иван.

Прошло время и он с Ниной, забравшись в машину, отправился встречать Сергея в районный городишко, на желез-

нодорожный вокзал.

— Зачем ему трястись в автобусе? На машине лучше будет, — сказал Иван жене друга, а затем неожиданно подумал и тут же отогнал дурную мысль о том, что может быть автомобиль необходим Сергею и без него им не добраться до села. Иван оказался прав. Сафронич не зря предупреждал, не зря. В поезде, его еще звали «пьяным», парни из соседнего купе перепились и подрались. Сергей обычно, не влезаящий в передраги, опасаясь за деньги в своих карманах, на этот раз ехал пустым — он же только на несколько дней подменил товарища и всего лишь, тот с ним сказал рассчитается после, — принялся мирить парней. Ну куда там — две враждующие стороны тут же переключились на него и так отдубасили, что Сергей пришел в себя лишь подъезжая к своей станции. Увидев его в проеме двери, Нина перекрестилась и сказала с улыбкой:

— Зря Сафронич говорил, зря! Вернулся мой Сергей, вернулся. Жив и невредим. Жив и невредим.

А вечером Сергей, лежа на кровати, когда Нина стала прижиматься к нему, попросил ее не торопиться и неожиданно умер. Странно как-то умер. Она его трясла, трясла, все бес толку. А уж потом заголосила. Заголосила так, что на соседней улице собаки завыли. Тут же прибежал Иван. Она упала ему в объятия и затихла. «Уж не умерла ли, и она», — подумал сосед и принялся ее покрывать поцелуями, но тут Нина вдруг ожила и резко отпрянула от Ивана.

— Это я, я его погубила, — крикнула Нина и тут же вытолкала недоумевающего Ивана на улицу.

Больше она его в свой дом не пускала. Правда, проститься с другом позволила и всего лишь. Иван ни раз украдкой угощал детей Надю и Витю конфетами и расспрашивал у них о матери. Но что могли сказать дети. Они еще были недостаточно взрослыми: девочке восемь лет, а мальчику пять.

Иван мучился, он даже свой огород забросил чего делать не следовало, так как огород кормил его и мать. Старший брат Ивана матери не помогал и надеялся только на него. А порой даже сам норовил прихватить чего-нибудь из огорода: огурцов для соления, картошки на зиму. Дети хотели есть.

— А что ее покупать, — однажды сказал он брату, — у тебя вон сколько, пропадает, наверное?

Нина высохла вся. Дети тоже похудели. На них было страшно смотреть. Иван как-то даже силой попытался ворваться в дом к Нине, но она встала стеной. Как он не старался пробить ее оборону, даже принялся хватать ее за груди, целовать — ничего не помогло. Она не чувствовала его рук, теплых, ласковых рук. Не пустила. Быстро задвинула на засов двери. Иван долго стоял под дверью. Уговаривал ее.

— Да не вернешь ты его, пойми глупая женщина. Я что ли в том виноват? Ты может быть виновата? Нет! Судьба его такая. То, что написано на роду, то и свершилось. Ты должна жить хотя бы ради детей. Их ты зачем обрекаешь на нищенское существование и лишаешь ласки — материнского

тепла. Вспомни, когда ты их обнимала, целовала, ну хотя бы разговаривала с ними по-человечески?

Как об стену горох. Нина была холодной и не приступной. Иван не знал, что и делать. Он даже со стороны огорода заходил. Пытался прямо на огороде прижать ее и лишить, как девушек лишают девственности — холодности. Что он увидел на огороде: засохшие плети огурцов. Нина не поливала их и весь урожай погиб. Огурцы они не могут без воды. И у Ивана бы погибли, но его образумил брат Анатолий — вовремя приехал. Накричал на Ивана, и они вместе не один день отпаивали их, таская ведрами воду из колодца. Это спасло положение.

Нина выглядела сумасшедшей. О ней стали поговаривать на улицах. Кто-то из соседей пошел и заявил на нее, опасаясь за жизнь детей в милицию. Иван тоже беспокоился, но уже не о ней самой, а о детях и по ночам, когда ему не спалось, вставал, тихо крадучись подходил к окнам дома Нины, пытался подсмотреть или же подслушать все ли нормально в темноте, черной и зловещей. Темнота молчала, и Иван крадучись удалялся.

Однажды среди ночи его разбудили Надя и Витя стуками в окно. Они прибежали и закричали:

— Дядя Ваня, дядя Ваня маме плохо, помогите ей! — И он бросился в чем спал, даже не одевшись, за детьми. Но дети в дом не пошли. Они остановились и стали ждать что предпримет дядя Ваня.

Иван открыл двери, которые уже давно не открывал, и с опаской заглянул в комнату. Света не было. Он горел в зале. И оттуда слышались возбуждающие стоны, вздохи, а порой вырывались крики. Иван осмелел и отправился в зал. И что он увидел: на кровати нагую лежащую на спине Нину. Ноги ее были согнуты в коленях и раздвинуты. Будто на ней кто-то был. Невидимый и страстный. Она словно в такт неслышимой любовной музыки толкала свое тело вверх и опускала его. Прекрасные груди женщины подпрыгивали. Иван ахнул и с растопыренными глазами, ничего не понимая, сбрасывая на ходу с себя остатки одежды бросился в объятия женщины. Но не тут-то было какая-то неведомая сила подхватила его и вытолкала за двери...

— У ты черт! — крикнул в ужасе Иван и второпях натянув на себя выброшенные тут же следом за ним из залы трусы выбежал на улицу. Придя в себя, он подхватил за руки детей и повел их к себе домой. Их нельзя было оставлять. То, что творилось с их матерью необъяснимое и ужасное было не для их глаз и не для их ушей.

На следующий день Иван отправился к Сафроничу. Только он мог помочь Нине. Он предвидел судьбу Сергея и теперь Иван надеялся, что колдун спасет Нину. Ну пусть не ее, так хоть детей. Они в чем виноваты? Иван был готов забрать их к себе. Но это после того, когда с Ниной уже ничего нельзя будет сделать. А вдруг, чем черт не шутит, ему удастся ее изменить.

На подходе к дому Сафронич сам вышел ему навстречу. Наверное, не захотел пускать его в свою избу, домом назвать его жилище не поворачивался язык.

— Я, я к вам, — пытаюсь совладать с собой, тихо промямлил Иван.

— Да, я знаю. И знаю твою причину. Я найду сегодня вечером к Нине и все что возможно сделаю, помогу женщине. Не беспокойся. Я рассчитывал на тебя. Но ты любишь ее и оттого тебе с нею не справиться, — сказал и исчез будто его и не было. Иван постоял немного развернулся и направился восвояси.

Двери закрыть Нине не удалось. Сафронич был вхож в любой дом. Стоило ему только захотеть. Женщина, едва только слышала шаги старика, тут же встала с постели, подошла к двери и открыла засов. Колдун неторопливо вошел в комнату, поздоровался, прошелся по половицам, — они жалобно закрипели, — взглянув на Нину, он тихо, но жестко вытолкнул:

— Ты так я думаю решила загубить своих детей? Они тебе не нужны. А раз не нужны пусть помирают. Так? — Не дав сказать слова, он продолжил: — Ты любила Сергея, только его и больше никого? А может быть ты любила еще кого-нибудь? Например, Ивана? Где правда? Понять невозможно. Да и зачем это сейчас, когда одного из них уже нет в живых. Я не знаю Сергея! Я знаю Ивана и еще, я знаю Надю и Витю — твоих детей! Они никому не нужны. Запомни, никому, ес-

ли не нужны матери. Дети при живой матери, не желающей их знать, никогда не вырастут. Они будут плохими людьми. Так что пусть погибают! Ты согласна?

— Нет! Нет! — закричала во весь голос Нина. — Я не согласна. Я никогда не соглашусь на это. Это дети Сергея и мои. Мне не нужно было его отпускать в Москву, не нужно. Вот так! Я зря его отпустила, зря!

— Ладно, успокойся, — уже мягче чем прежде проговорил старик. — Я пришел тебе помочь. Ты должна в течении девяти ночей выходить на трассу за село и останавливать машины. Ты знаешь зачем ходят некоторые особы на дорогу. Но в отличие от них ты не будешь брать за это деньги. После того, когда ты переспшишь с девятью мужчинами, соберешь вещи, умершего мужа, и принесешь их ко мне. Ты поняла! Не вздумай меня обмануть. Через три дня если ты не выйдешь на трассу заболит твоя дочь. Она умрет, затем через три дня придет очередь сына, затем... — старик замолчал, но скоро снова открыл рот: — У тебя есть выбор. Сделай его!

Сафронич ушел. А Нина осталась. Она неплохо выспалась и утром вдруг хватилась детей, принялась их звать, но их ни где не было, и женщина испугалась. А может они уже умерли как предрекал Сафронич. Не может быть. Не может быть. Они у Ивана. Я пойду на трассу. Я сегодня вечером пойду на трассу. Нина долго убеждала себя в необходимости поступка. Но не смогла и осталась дома. Проплакала всю ночь. Заснула под утро и проспала весь день. Затем еще один вечер

прошел. И только боязнь потерять дочь выгнала ее на трассу.

Женщина шла, прячась от редких прохожих и дрожа всем телом при этом неистово шептала: «Прости меня Сережа! Прости! Я не знаю, что мне делать, не знаю. Я мертва для тебя. Прости меня Сережа!». Она долго шла, пока не увидела в полутьме широкую дорогу — трассу. Передохнув, женщина отправилась по обочине за село, остановилась и на мгновение застыла. Рядом с шумом пронеслась большегрузная машина. Что-то ее толкнуло и она, услышав шум другого, приближающегося автомобиля, подняла руку. Но он прошел мимо, обдав ее пылью. Прошла еще одна машина и еще, и наконец она услышала скрип тормозов.

— Ну чего тебе? — сказал, высунувшись из кабины, шофер — полнеющий мужчина лет сорока. Затем всмотревшись в лицо женщины, повернулся к напарнику: — Я выйду разомнусь, а ты посиди немного, хорошо!

— Хорошо-хорошо, — ответил ему, заулыбавшись, напарник: — Иди! Спешить не куда. Я подожду.

Мужчина лет сорока скатился благодаря своей массе тела вниз, затем, подхватив Нину за руку, отвел ее в сторонку, после чего принялся мять своими огромными ручищами. Нина стояла безучастно, полагаясь лишь на желания водителя. Ей было все равно.

— Ну чего ты стоишь как столб. Обопрись хотя бы руками на колесо, обопрись, — крикнул он ей. Она оперлась, слегка отставив зад. Его руки залезли под юбку, сдернули тру-

сы, затем на некоторое время он оставил ее в покое, лишь для того, чтобы опустить вниз свои штаны, и вот снова принялся мять ягодицы прижимаясь все ближе и ближе. Она не препятствовала, однако ничего не чувствовала: ни удовольствия, ни отвращения к происходящему. Мужчина это заметил и довольно быстро закончил. Чиркнув застежкой молнии, закрыл ширинку, при этом чертыхнулся, покопавшись в кармане вытащил деньги, отслюнив несколько бумажек, сказал:

— На держи! — Нина, почувствовав ассигнации в руке тут же бросила их ему в ноги, сорвалась с места и побежала в сторону села. Споткнулась, почувствовав на коленях трусы, подтянула их и припустила еще сильнее. Прибежав домой, она упала на кровать словно в пропасть, заснула.

— Баба, не баба, так и не понял, удовольствия никакого, — сказал мужчина, товарищу. Затем добавил:

— Заводи машину, поехали, чего тут стоять. А может ты тоже хочешь, не советую. Лучше себе найдешь. Дорога длинная.

На следующий вечер Нина снова пошла на трассу. И снова она была безучастна к тому, что с ней делали дрожащие руки мужчины. На этот раз деньги ей даже не предложили. Водитель большегрузной машины сделал вид что пытается достать из кармана, а сам быстро заскочил в кабину и дал деру.

Третий, четвертый и даже пятый поход женщины на трас-

су остался ею не замеченным и только, оставшиеся вечера, неожиданно принесли ей удовольствие. Она словно ожила — почувствовала себя женщиной. О как она охала, стонала и даже кричала: «еще, еще, хочу, давай сильнее...» — Мужик достал все свои деньги совал их ей в руку, умолял взять, а она не брала.

— Я еще ни разу не встречал такой женщины, поверь мне ни разу. Я буду возвращаться через неделю... Я тебя еще встречу, скажи мне, а?...Встречу?

Нет он больше не встретил Нину. На следующий день в дом пришел друг Сергея —Иван:

— Я от Сафронича, — сказал он. — Старик просил тебя собрать вещи, напоминающие тебе о муже, и мы должны вместе пойти к нему. Он нас уже ждет.

— Хорошо, я сейчас, — ответила ему Нина и принялась лазать по шкафам, столам, подоконникам. Она достала альбомы, повибрасывала фотографии мужа, отыскала безделушки, которые Сергей привозил ей с Москвы, сувениры, платочки. Затем, все это добро собрала в узел и, сделав знак безмолвно стоящему рядом Ивану, что она готова пошла на выход. Он последовал за нею. При выходе из двери Иван слегка прижал женщину и почувствовал, как она задрожала, не удержался и принялся тискать целовать ее. Она застонала от страсти и чуть было не упала тут же на пороге. Иван, сообразив, что необходимо вначале выполнить требование Сафронича, а уж затем они могут насладиться друг другом по

полной, пришел в себя.

— Пошли!

Старик их встретил спокойно. У него в доме горела печь. Нина ожидала от него каких-то колдовских действий. Но Сафронич просто взял ее узел и бросил в огонь. Вещи, напоминавшие Нине о Сергее, занялись пламенем и принялись гореть. Женщина было бросилась к печи. Схватила кочергу и хотела достать, но старик крепкой рукой отстранил ее от проема печи, забрал кочергу и сказал:

— Ты должна его забыть. Тебе ничто не должно напоминать его. У тебя есть уже мужчина. Вот он перед тобою. Возьми его за руку и идите домой. Все будет хорошо. Запомни: хо-ро-шо!

— Хо-ро-шо! — прошептала Нина. Затем почувствовав в своей руке руку Ивана она успокоилась. Она понимала, что Сережа умер и уже никогда не будет владеть ею не физически, не духовно. Он должен уйти, уйти навсегда. И она должна уйти от него, уйти для новой жизни. Жизни с Иваном.

На следующий день Иван с Ниной и детьми поехали на машине в районный городок. Что их подтолкнуло оказаться близ железнодорожного вокзала, вопрос? Дети вдруг неожиданно побежали на мост. Нина с Иваном бросились за ними. Стоя на мосту, Нина, находясь в объятьях Ивана сказала: — А знаешь, Сергей, как и я боялся высоты. Это плохо. Хотя бы один человек из семьи должен... — женщина недоговорила. Иван продолжил:

— А я не боюсь, не боюсь... Ты знаешь об этом.

— Знаю, и оттого мы вместе, — прошептала Нина и задрожала. Иван поцеловал женщину раз, другой все больше и больше распаляясь.

2007г.